

POLISH ACADEMY OF SCIENCES • INSTITUTE FOR LEGAL STUDIES

DEPARTMENT OF CRIMINOLOGY

ARCHIVES OF CRIMINOLOGY

VOLUME XXXV
2013

SUMMARIES

Wydawnictwo Naukowe SCHOLAR
Warsaw 2014

EDITORIAL BOARD

Beata Gruszczyńska, Witold Klaus (executive editor), *Anna Kossowska, Krzysztof Krajewski, Barbara Kunicka-Michalska, Zofia Ostrihanska* (head of the editorial board), *Irena Rzeplińska* (editor), *Andrzej Rzepliński, Andrzej Siemaszko, Grażyna Szczygieł, Leon Tyszkiewicz, Teodor Szymanowski, Janina Wojciechowska, Dobrochna Wójcik*

INTERNATIONAL ADVISORY BOARD

Marcelo F. Aebi (University of Lausanne), *Ivo Aertsen* (Catholic University Leuven), *Aleksandras Dobryninas* (Vilnius University), *Frieder Düinkel* (University of Greifswald), *Uberto Gatti* (University of Genoa), *Yakov Gilinsky* (Russian Academy of Sciences), *Helmut Kury* (University of Freiburg), *Miklós Lévy* (Eötvös Loránd University), *Gorazd Meško* (University of Maribor), *Cristina Rechea-Alberola* (University of Castilla-La Mancha), *Joanna Shapland* (University of Sheffield), *Dina Siegel* (Utrecht University), *Alenka Šelih* (University of Ljubljana), *Helena Válková* (Charles University in Prague)

CONTENTS

<i>PAWEŁ OSTASZEWSKI</i> How to Research the Fear of Crime?	395
<i>STANISŁAW MORDWA</i> Spatial Autocorrelation in Crime Rate Research	395
<i>IRENA RZEPLIŃSKA</i> Criminal Careers of Juvenile Delinquents	398
<i>EWA HABZDA-SIWEK</i> <i>MAGDALENA GRZYB</i> Gender and Crime. On Unequal Distribution of Sexes in Violent Offending	400
<i>AGNIESZKA GUTKOWSKA</i> Culture Specific Gender-based Violence. Cases of Honour Killings	403
<i>MARYLA KOSS-GORYSZEWSKA</i> The Image of Women Trafficking Victims in the Polish Judicial Decisions Based on Judgements on Human Trafficking Criminal Cases between 1997 and 2009	405
<i>EDYTA DRZAZGA</i> On Football Hooliganism Control in Poland with Several Comments on Situational Prevention.....	407
<i>KONRAD BUCZKOWSKI</i> Insurance Fraud (Article 298 Penal Code) in Judiciary Practice	409
<i>PAWEŁ BACHMAT</i> Atypical Bribery Cases in the Opinion of Courts and Prosecutor Offices as Illustrated with Examples of Crimes Committed under Articles 228 and 229 Penal Code	410
<i>MONIKA KOTOWSKA</i> Characteristics of an Organized Crime Group Member in the Light of Humanistic Criminology	412
<i>AGNIESZKA MARTYNOWICZ</i> Warehouses for the Deportable – Foreign National Prisoners in the UK	305

PIOTR STĘPNIAK

Prisoners' Health and Health Services in Prisons 412

PAULINA WIKTORSKA

Penitentiary Law against the Background of Other Branches of Law and Selected
Problems of Penal and Penitentiary Policies 414

PAWEŁ OSTASZEWSKI

How to Research the Fear of Crime?

Fear of crime has been researched since late 1960s and is commonly recognized one of the most frequent issue investigated in contemporary criminology. Definition of the fear of crime, its operability by means of particular investigation methods and techniques, and its macro-, meso-, and micro-social conditioning factors are widely discussed in the scientific literature on the subject. This article describes methodological aspects of research on this issue and particular questionnaire questions formulated in such research.

The most frequent method used in research on fear of crime is to use particular questionnaire questions asked to respondents on quantitative surveys. There are attempts to use other research methods and techniques such as in-depth and focus interviews or content analysis. Among qualitative research, there are two predominant methods of fear measurement and, what follows, its definition and analysis. The first assumes a single question (e.g. how safe one feels on a lonely evening walk) with closed categories of responses. Choosing a category by the respondent is deemed to be an indicator of fear. The second method assumes that fear of crime is a continuous quantitative variable created by a scale which sums up responses to a series of questions on particular aspects of fear (e.g. fear of various types of crimes). The results obtained by the first method are presented as a percentage of respondents afraid of becoming a victim of crime which percentage is to reflect fear of crime level in a society. A relationship with other variables within to-dimensional analyses (e.g. using cross-tables) and multidimensional (e.g. with the use of logistic regression) are also investigated. Presenting one-dimensional results from the second method of measurement is much less understandable since it relies on an abstract arithmetic mean which is impossible to interpret. At the same time, however, they enable to define the level of fear (and not only the sole fact of its occurrence or lack of occurrence) and to use more precise techniques of two- and multi-dimensional analysis such as comparison of means and linear regression. It is worth to note that precise determination of the number, form and way of asking such questions is subject to constant debate in the literature which has not been decided so far.

STANISŁAW MORDWA

Spatial Autocorrelation in Crime Rate Research

Spatial analysis of crime distribution has a long tradition. In general, studies concerning this issue usually focused on compiling thematic maps. Some more advanced

researching methods and techniques were popularised only after personal computers became widespread and GIS software came into broader use. One of the research procedures now available thanks to this development was spatial autocorrelation, which is the subject of this paper. In practice, spatial autocorrelation is about the degree of correlation between an observed variable in a given location with the same variable in a different location: the method allows to illustrate concentration areas of an analysed phenomenon in space, or the lack of such areas.

The article first presents the theoretical and practical basis for the notion of autocorrelation. Following other researchers, it was assumed that the fundamental reason for spatial relations to emerge, i.e. spatial autocorrelation, are the interactions taking place among neighbouring objects in a space. This warrants to conclude that the intensity of a phenomenon analysed in one spatial unit exerts some effect (stimulating or destimulating) on the intensity of the same phenomenon in neighbouring units of space. This is confirmed in Waldo Tobler's first law of geography: "everything is related to everything else, but near things are more related than distant things". By studying spatial autocorrelation, one may discover three different situations (fig. 1): a) positive autocorrelation – when units of high value neighbour units of high value of the same factor (*hot spots*), and low value units are found near each other at the same time (*cold spots*); b) negative autocorrelation – when high value units neighbour low value units of the same factor and vice versa; c) no autocorrelation – when no principle is detected, as a unit of high value is neighbored by units of varied level of the factor in question – both high and low.

In order to study the proneness of a phenomenon to create autocorrelation, one should first establish the nature of spatial relations taking place between spatial units – meaning the closeness (intensity) of neighbourhood. The relations take the form of spatial weight matrices (fig. 2) in which queen contiguity or rook contiguity is used. The weights can also be defined based on the threshold distance or k-nearest neighbours. Due to the intensity of social-spatial contacts, it was decided that the best effects in analysing criminal activity will be obtained with the use spatial weight matrices in queen contiguity. The assumption was that the distribution of pathological behaviours within a city, it is the direct contact between people living nearby that is important; the existence of formal or informal boundaries (blocks, estates, neighbourhoods, etc.) was considered irrelevant.

A formal assessment of autocorrelation can be conducted with a set of appropriate indicators analysed globally or locally. Hence, in the article, the author defined the strength of global autocorrelation with the use of Moran's *I* measure, and at the local level, *LISA* statistics were used (taking advantage of the fact that the sum of local statistics *LISA* equals the value of *I*).

After a presentation of the general assumptions of the autocorrelation method employed in the paper, the author discusses the results of the analyses he conducted, which takes the form of graphs inserted in the text, among others. In this part of the article, special attention was drawn to the characteristics of the obtained results,

which stem from the choice of spatial units scale (fig. 4, 5, 7) and from the choice of weight matrix, i.e. to the definition of spatial neighbourhood (fig. 8).

When the spatial autocorrelation was studied at the national level, in fig. 4 the author shows the results of his calculations concerning crime intensity ($I = 0.436$). Bearing in mind the widely known and well-established (over the course of the years) picture of spatial distribution of crime rates in Poland, the results obtained are hardly surprising. In the east of the country, where relatively few crimes are committed, a concentration stretching over two provinces was identified (lubelskie and mazowieckie) as cold spots. A crime hot spot, on the other hand, is the western Poland's lubuskie province, where crime intensity was found the highest in the country (4014 crimes per 100 thousand inhabitants). However, if the data aggregated at the province level is broken down into smaller areas, a rather different value of global autocorrelation statistics emerge, and so do different concentrations of local autocorrelation. This is due to the fact that, although the value of the researched phenomenon does not change, the arrangement and number of neighbouring units does. Fig. 5 shows the spatial autocorrelation in crime intensity again, yet this time it is broken down into 66 sub-regions. The most prominent thing to see is the significant cold spot type concentration in the east of the country. Two hotspots were identified as well, with one of them encompassing Upper Silesian cities, and the other Szczecin and Stargard sub-regions (fig. 5).

As a next step, spatial autocorrelation was used to determine the crime rate patterns within a city, using the example of Łódź for this purpose. The results of the spatial autocorrelation in three different variables on crime rates (the number of crimes, crime intensity per 1 thousand inhabitants, density of crimes per 1 hectare) are shown in fig. 7. In the graph, the point of interest was a very similar hot spot arrangement – i.e. restricted to the down town area (despite the notable differences in the value of the global autocorrelation indicator). The characteristic feature of this part of the city is the old, multi-functional housing development. According to other research, the habitable buildings there are varied in their standards, with some later-dating blocks of flats. Generally, the old and new buildings are in urgent need of repairs, but the area itself requires considerable attention to welfare issues. The arrangement of cold spots, however different it may be in each of the maps on fig. 7, still concerns the outer parts of the city only. These areas are mostly former villages, now characterised by single-family development.

Fig. 8, on the other hand, shows results of crime density autocorrelation in Łódź obtained with the use of different weight matrices: the queen contiguity, rook contiguity and $n = 3$ of nearest neighbours. It should be noted that in all the cases, global statistics values are roughly at the same moderately high level – the best autocorrelation effect was obtained for matrix $n = 3$ nearest neighbours (which is a different assumption than in the research conducted on the entire country). Thus obtained general arrangement of areas with high crime risk in the city of Łódź is a model one, though some differences were noted – in particular where the range of

areas with relatively low crime density was involved. The most dangerous spots with high concentration of crime are found in the city centre, while the peripheral areas are relatively safe.

The main advantage the spatial autocorrelation analysis has is that it allows to obtain a comprehensive description of a spatial diversification of a researched phenomenon taking the form of concrete global and local statistical data, as well as maps or scatter plots. Naturally, as an alternative to analysing autocorrelation, one could interpret and describe thematic maps (fig. 6). This, however, is not an objective scientific procedure and may not return a clear result in the form of a model and generalisation. A generalised analysis of spatial crime autocorrelation provides a generalised model of spatial distribution of crimes in a space, and allows to identify problematic areas where pathological behaviour occurs (fig. 8), which in turn can be used in prevention activities to be undertaken by relevant authorities (majority of authors cited in the article hold such opinion).

Identifying concentrations of crime may be a way to indicate areas with high crime rates, but it cannot answer the following question: *why some locations are more criminogenic than other?* To find an answer to this one, spatial regression analysis would be necessary.

IRENA RZEPLIŃSKA

Criminal Careers of Juvenile Delinquents

Thirteen years ago, while conducting criminological research of juvenile delinquents within a research programme of the Ministry of Education “Juvenile delinquents in the past and today” I decided to research two groups of juvenile delinquents representative for Poland:

1. The first was juvenile delinquents tried in the courts between 1985 and 1988, the choice of files was made on the basis on their availability. According to assumptions I planned to research a representative group of cases of criminal deeds committed by juveniles and tried in criminal courts in 1980. It appeared to be impossible, files of juveniles from 1980 in 2000 when I organized research were, according to regulations, destroyed (hereinafter I use the term “80’s group”).
2. The second is a sample of a group of cases of criminal deeds committed by juveniles and tried in criminal courts in 2000 representative for Poland

The main research assumption of the project of research of juvenile delinquents was to investigate and characterize juvenile crime and their social profiles. The research concerned contemporary juveniles – “2000 group” and juveniles in the past who were tried in courts between 1985 and 1989. I intended to investigate juvenile

delinquents who belonged to the generation of the parents of those from “2000 group”. Yet a step backward by a generation was impossible (the files were destroyed). I decided that the object of the research will be the group of juvenile delinquents tried in juvenile courts in the 1980s.

In 2010 I searched the National Criminal Registry for the records of both “1980s” and “2000 group”. Follow-up period for the latter group was 9 years. After they turned 17 (which is the age limit of legal responsibility under Polish law), from the “2000 group” tried in 2000 in juvenile courts 390 persons, that is 51,3%, were later convicted for crimes. This group, at the moment of record search, was between 20 and 28 and majority of perpetrators were between 24 and 28 – that is young adults in the period of the highest criminal activity.

The group of juvenile delinquents from 1980s was 555 persons. The follow-up period was 22 to 22 years. In this group, according to National Criminal Registry information, 187 persons, that is 33,7% had a criminal record at the moment of file search, and they were between 35 and 44. As far as this group is concerned, part of criminal records were erased¹ so a part of convictions in this group remains unknown.

Study of previous juvenile delinquents life histories, longitudinal study, criminal career study – these are the names of the same types of research in criminology whose main and common questions is: how many of previous juvenile delinquents commit crimes in adult life. More detailed questions are:

- what is the type and significance of crime committed by previous juvenile delinquents in their adult lives?,
- what part of previous juvenile delinquent will become persistent criminals and will commit crimes throughout their adult life until they grow old?,
- is it possible to define etiological factors (risk factors) of persistent offenders which have roots in their situation as minors?,
- whom will the justice system meet?; what part of previous juvenile delinquents will become clients of the justice system?

In both researched groups previous juvenile delinquents as adults are perpetrators of various types of crimes of which crimes against property and assaults with battery are a significant proportion. In the younger group – the “2000 group” – one should notice the appearance of drug-related crimes and computer crimes. Both groups have a common feature, during a follow-up period one third of previous juvenile delinquents were later convicted only once. Two thirds – more than once. In both groups we also found those who committed more than 10 crimes, these are persistent offenders with a criminal career. Those who will become later persistent offenders and will be convicted many a time during their adult life are – as it can be estimated – approximately 10% of those who are tried in juvenile courts today. This

¹ Under Polish law expungement of record is, by virtue of law, automatic after 5 years, or in case of most serious crimes, 10 years (with the exception of sexual crimes against minors which cannot be expunged at all).

piece of information on the estimated group of persistent offenders is an indication for people in charge of the justice system, punishment execution agendas, and social welfare institutions – concerning what will be the size and cost of the group they will need to take care of.

We established the risk factors of becoming an adult offender by examining social profiles of previous juvenile delinquents and by comparing occurrence of certain features in the groups of those who were and were not convicted in adult lives. Juvenile delinquents who were tried for crimes in their adult lives were characterized, in both researched groups, by certain common social features which were much less common in the group of those who did not commit crimes in adult lives:

- they had several trial in juvenile courts,
- all of them had problems as confirmed by their schools, including behavioural ones (hyperactivity, aggression, vulgar language),
- they came from problem families where father had at least a history of alcohol abuse.

These findings point to one thing: there is a need and it is useful to intervene in case of such children who have educational and behavioural problems at school early. There is a chance to improve lives of juveniles so that they do not become criminals in adult life. But still, this is only a chance. The justice system will never eliminate persistent offenders, who are also referred to as “career criminals”².

Matt DeLisi asks a question: is it ethical to predict behavior of individuals and judge that if a person has a criminal record they will have another one? Is it ethical to use the term “career criminals”? These questions concern also the sense of further research of juvenile delinquents’ adult lives. Such research are sensible for making a stance how to shape the means of response towards juveniles: the results of research shows that these means should be assistance, education and they should include a child and his or her family.

EWA HABZDA-SIWEK
MAGDALENA GRZYB

Gender and Crime. On Unequal Distribution of Sexes in Violent Offending

Gender gap in crime, that is the claim that women tend to commit less crimes than men, has been the subject of criminological research for years. The gender gap is found throughout the world, not excluding Poland. Scholars dealing with the issue mainly focus on two aspects of the problem. First, they try to find out why women

² M. DeLisi, *Coareer Criminals in Society*, Sage Publ. 2005.

commit fewer crimes than men, which means the very gender gap is their key concern. Second, they try to clarify and interpret any potential changes in this disproportion observed over time; in particular this relates to the narrowing of the gap that can be noted in the official statistics (especially in the US) over the last decades.

Based on publicly available police statistics for the years 1992-2011 on persons suspected of: murder (Article 148 Penal Code), bodily injury or harm to the bodily functions or severe health disturbance (Articles 156 and 157 Penal Code), brawling or assault (Articles 158 and 159 Penal Code) and the so-called aggravated crimes (Articles 280, 281 and 282 Penal Code), the authors decided to identify the size of the gap between offending men and women involved in chosen violent crimes in Poland and to check if the difference changes over time. The main focus was devoted to finding out if the gender gap in selected types of crimes in Poland is changing (narrowing), as it is the case in the western countries. Some results of previous research, conducted mostly in the US, show that the disproportion has been shrinking over the last several decades. Two hypotheses are offered by researchers to explain the trend. The first one, referred to as the Behaviour Change Hypothesis emphasises the fact that over the last few decades women have become more socially active and they are becoming more similar to men in their behaviour, which leads to increased readiness to display aggressive behaviours, and this is reflected in criminal records. The hypothesis could illustrate the actual changes in women behaviour and evolution of gender roles. According to the other hypothesis, the Policy Change Hypothesis, the observed change does not stem from the fact that male behaviour patterns are adopted by women, but can rather from the changing perception of violence and greater pressure on law enforcement bodies to prosecute every, even the most minuscule acts of violence, regardless of the age or sex of the perpetrator.

The analysis of data on Poland was preceded with a short review of the contemporary criminological concepts concerning gender and offending, with the aim to investigate their potential in explaining the qualitative and quantitative differences in criminal activity of men and women. The authors devoted special attention to: the T. Hirschi's control theory, J. Hagan's theory of control-power, the general strain theory by R. Agnew (including the concept of L. Broidy and R. Agnew concerning women offending exclusively), theories of differentiating social roles, J.W. Messerschmidt's patriarchal society theory and the gendered theory of female offending by D. Steffensmaier.

Through analysing the available data, the authors came to the conclusion that in three out of four researched violent crime types, the number of women suspects was growing faster than that of men. The extent and dynamics of these changes over time depends on the type of analysed offences. As far as murder is concerned, gender structure is fairly stable, but a general downward trend was observed in the number of persons suspected of murder, and the trend seems stronger in women than men. In the bodily injury related crimes, a growing share and higher dynamics rate was recorded in women than in men. For brawling and assault, we observed an increasing

share of women among the suspects, however, this is attributed to the fact that the number of male suspects is growing, too. It should be noted that the growing share of women in suspects is a phenomenon most vivid in the recent years, which may indicate that the manner of reacting (or the policy) to acts perpetrated by women has been changing. The increase may be due to the school violence awareness programmes and to emergence of minor offenders preventive groups set up by police. As to aggravated crimes, the women offending is on a dynamic rise too, with only slight cumulative increase in the number of female suspects. Over the recent years, despite the growing dynamics factor, the number of women changes only slightly, which allows to assume that the growing share of women is mainly due to the falling number of men being suspects in aggravated crimes.

The authors believe that the changes in women and young females' offending are due to the transforming behaviour patterns in context of cultural aspects of gender, and to the way in which breaking the law by women and female adolescents is seen and countered. On the Polish ground, the key factors that modified the manner of reaction to such type of crime are believed to be: the broadening definition of violence (legal and penal control over incidents taking place in schools or private premises, especially homes, where women would display aggressive behaviours more often, and recording more lenient forms of violence), organizational changes in police and law enforcement policies (such as employing more women personnel, which may result in more equal treatment of women by law enforcement bodies and establishment of specialised crime prevention units devoted to minors). Moreover, another structural change may prove important, i.e. the educational reform in Poland and the introduction of *gimnazjum* (junior secondary schools), which meant that the age at which pupils changed the peer environment became lower. Building up a social position in a new group of peers may lead to infringement of social norms and law. Social sensitization campaigns dealing with violence and institutional activities to persuade school teachers to react to any act of violence and report even negligible cases to police (school authorities were more eager to report such incidents), could also play a role in the increased number of juvenile offenders among violent crime perpetrators.

To sum up, all the above factors and systemic changes could have led to a greater "visibility" of women and adolescent females in the official crime statistics, yet such increased representation of women in violent crime offenders does not necessarily mean that women presently commit more crimes than before. Undoubtedly, the analysis of the obtained data allows to conclude that, when investigating the dependency between the gender and violent crime offending, one must take into consideration an additional factor, which is the age of perpetrators. The narrowing gender gap is probably smaller in younger age groups. Further in-depth qualitative research should be done in order to establish if an actual cultural change has taken place in girls as a result of reformulated women's social role paradigms, thus resulting in their increased readiness to display aggressive behaviours.

AGNIESZKA GUTKOWSKA

Culture Specific Gender-based Violence. Cases of Honour Killings

Crimes related to the offender's cultural background are exceptional, and require special attention in many ways. Firstly, they come as far more shocking than the "typical" offences in a given society, due to their peculiar and infrequent nature. Secondly, as they are so much specific, they pose a serious challenge for law enforcement bodies, and it may seem that they are a significant problem for courts, who must face foreign and often culturally obscure situations and behaviour. This is also an important challenge for researchers, who try their best to define and, most of all, understand the mechanisms leading to such type of crime. The article discusses the specificity of honour killing, characterises the perpetrators and victims, and clarifies the motivational process of perpetrators, who often find themselves entangled in obligations enforced by cultural norms in a degree comparable to what their victims experience. The paper is also an attempt at analysis of the thesis widely found in the literature claiming that abuse towards women (irrespective of their cultural background and creed) stems from the patriarchal social structure, and should not be associated with any particular cultural system³.

The article claims that in order to properly analyse honour killing cases and create a possibly most effective system of preventing and countering the phenomenon, the expressions and sources of violence against women in different cultures must be precisely and unequivocally defined, and so must be the perpetrators' motivation. This clear division is necessary at the terminological level, to start with. This is why the article introduces the notion of "culture specific gender based violence". Gender based violence itself is too broad a term to define such polarised cases as economic abuse of a wife by a husband, battering, or even marital rape and honour killing. Classifying honour killings as gender-based violence only, without precise identification of the sources behind such violence, is a dangerous practice, as – in consequence – opinions emerge equalising infringement of women's rights in the western world with those experienced in honour-based cultures or Muslim societies⁴. The claim that women suffer the same violence regardless of culture or creed is not true. There is a dramatic difference between Christian background cultures, which nurture basic human rights, and honour cultures or Muslim communities, in the manner they treat women, and in the extent of socially accepted repression if they infringe the norms. What is even more, without changing the cultural rules or interpretation of religious

³ Such conclusion can be drawn from the article by M. Płatek: *Zabójstwa na tle honoru. Problem wyznania czy dyskryminacji ze względu na płeć (Honour Killing. An Issue of Religion or Gender Discrimintaion)*, in: R. Wieruszewski, M. Wyrzykowski, L. Kondratiewa-Bryzik (eds.), *Prawne granice wolności sumienia i wyznania (Legal Limitations to the Freedom of Conscience and Religion)*, Warsaw 2012, pp. 287-311.

⁴ *Ibidem*.

rules, the position of women who are facing honour killings cannot improve. This is due to the fact that it is the culture and religion, or to be more precise, some elements of those, or instrumental use of those, that are at the source of this type of violence.

In order to comprehend the issue of honour killing, one must first differentiate the motivation behind the two types of gender-based violence. In the western culture, the motif of gender-based violence may be anger, jealousy, revenge or even a need to humiliate the victim. All of these are, however, emotional motifs, and as such are entirely different from motifs directed at attaining an aim, which is restoring the family honour and regaining the social position it may have had – as this is the case in a society whose members fall victim to honour killings. The other fundamental difference lies in the fact that violence towards women in the western culture is considered pathological and in compliant with the norms. On the other hand, in communities where culture based crimes are seen, and women are victimised, such behaviours are not a diversion from norms. On contrary, they are a means to protect the values that such societies consider crucial. This is why, when analysing honour killings, it is vital to clarify that the issue being dealt with is in fact “culture specific gender-based violence”. It is only through terminological precision that we can avoid the blurring of the border between crimes motivated by honour (mostly murder⁵), and other forms of violence towards women. Stating the difference is so important also because prevention and countering such varied cases involving violence against women require completely different factual and legal measures. To protect a wife against aggressive behaviour of her intoxicated husband, a quite different set of preventive and repressive activities is necessary, compared with a case in which a girl must be protected against murder meticulously planned by her relatives. What is even more, in the latter case, the western world has a very limited knowledge of the mechanisms leading to culturally motivated gender-based violence and its specificity. This is because understanding the phenomenon is understanding the culture in which it is found. To prevent and fight culture specific gender-based violence is a particularly difficult task, as in fact it assumes that a woman should be protected against her own community and culture in which she underwent the socialisation process, or that the culture in question should be modified. Yet, without thorough understanding of the core of the problem, such activities will most certainly fail.

⁵ But also enforced marriage, female genital mutilation, etc.

MARYLA KOSS-GORYSZEWSKA

The Image of Women Trafficking Victims in the Polish Judicial Decisions based on Judgements on Human Trafficking Criminal Cases between 1997 and 2009

The article presents results of an analysis on Polish courts' judgements passed in criminal cases between 1997 and 2009 concerning human trafficking, i.e. former Article 253§1 and 204§4 Penal Code, conducted with an aim to investigate the image of the party injured as a result of such crime. The research included 59 court cases concerning sexual abuse of women, in which a judgement of conviction (either final and binding or not) was passed.

The aim of the research was to reconstruct the process in which a victim of women trafficking is seen by judges, to analyse the language used by judges in dealing with the victims, and to check if there is a specific model or models in the manner the victims' image is seen by judges.

As part of this research, an analysis of semantic fields and qualitative analysis were conducted. The conclusions from the former show that the language used by judges when referring to the crime victims is highly diversified: ranging from formal, official registers ('the injured party', 'women', 'witness'), to vernacular and hardly formal, or even vulgar ('white slaves', 'roadside hookers'). As long as the first of the above registers does not carry any judgemental aspect in describing victims of human trafficking, the other style proves how negative the image is: one of a prostitute or a naïve, reckless girl.

The semantic field analysis showed that among the expressions referring to the victims, the ones suggesting that the women got what they deserved were predominant. This language contains an element of the victim's causative involvement, suggesting that the women had some part of the blame for the circumstances, or that the circumstances were not as threatening or traumatising. It is often emphasised that the victims themselves agreed to travel, or had had prostitution experience before.

Interesting conclusions can be drawn from analysis of semantic field equivalents, or in other words, the expressions used in lieu of the word 'victim'. Two groups emerge from among them: one, negative judgemental language used towards the injured party, and two, neutral. In the former group expressions such as: 'subject of trade', 'social outcast', 'property', 'human merchandise', 'merchandise subject to', 'a working girl', 'ladies of the evening', 'girls' are found. A considerable portion of these expressions indicates that the human trafficking victims are seen as *de facto* prostitutes ('prostitutes', 'roadside hookers', 'ladies of the evening'). Another thing that draws attention is the register of the language, with examples of colloquial or even vulgar words being used, which is certainly improper in documents of such importance. The fact that judges used inverted commas when they opted for some of these expressions in writing cannot serve as an excuse.

The other collection of equivalents are those expressions that do not contain any judgemental shades of meaning: 'the injured party/parties', 'women', 'witness', 'young women', 'person'. Among these equivalents, several expressions were found related to sexual services being rendered by the human trafficking victims, characterised as seemingly neutral, yet in fact being disdainful or contemptuous ('ladies', 'working ladies', 'female artists', 'girls', 'tarts').

The qualitative analysis enabled a deep insight into the source materials. The main conclusion drawn is that a human trafficking victim is in vast majority of proceedings seen by judges as a prostitute, while it must be stated that the facts of the case did not always warrant such opinion. In many cases, judges emphasised the voluntary nature of prostitution.

On many occasions, the extenuating circumstances for the perpetrators was the fact that the victim consented to travel or/and to being abused, which remains in disagreement with the Polish or international doctrine, since a consent of the injured party to be abused bears no significance. In one of the researched judgements, the court explicitly stated that the extraordinary mitigation of penalty that was adjudicated stemmed from the fact that the injured party were 'professional prostitutes'.

When providing the grounds for sentences, judges often referred to the attitudes or traits of character of the persons injured, which is considered illegitimate. Among the features of personality displayed by victims, judges most often quoted demoralisation and inappropriate behaviour (especially in case of minor victims), or them being naive or reckless. On some occasions, these were the premises upon which judges adjudicated more lenient sentences. In some of the analysed judgements, the judges explicitly expressed their opinion that the women had fallen victims because of some particular traits of their personalities. Thus the conduct of the perpetrator was excused with audacious behaviour of their victims or demoralisation of the injured parties.

Since in all the analysed judgements, the judges made reference to the injured parties' testimony, a portrait of the crime's victim as a witness in court may be reconstructed. In majority of judgements, judges believed the victim testimonies to be true, which does not mean that in some cases the testimonies were not doubted or even rejected altogether. In one case, the court's argument for rejecting the victim's testimony was that she had a vested interest in presenting herself as a human trafficking victim. Unfortunately, very few cases in the analysed sample appropriate victim protection measures were employed (by applying relevant Penal Procedure Code provisions), such as ordering the defender to leave the courtroom for the time the victim gave her testimony. On these rare occasions, judges showed great empathy and proved, among other things, their understanding of the difficult situation in which the injured parties found themselves.

Despite the specialised education and proper professional background that Polish judges have, their opinions and comments concerning women trafficking are not free of socially conditioned paradigms and stereotypes, which – as the article tries

to prove – often translate into a predetermined approach towards the perpetrators, and influences the adjudicated sentences.

EDYTA DRZAZGA

On Football Hooliganism Control in Poland with Several Comments on Situational Prevention

The development of international measures of football hooliganism control has been proceeding along several paths and included a number of different aspects of broadly understood control over the phenomenon. One can define 4 periods differing in the football hooliganism control paradigms applied: the first period – stretching from 1960s to 1985, second – between 1985 and 1997, third – 1997 to 2000 and fourth – from 2000 up to the present day. Considering the issue of situational prevention of football hooliganism, control measures could be divided into two groups, or levels. The first level was mostly concerned with ‘hard’ means, i.e. such based on activities that rendered breaking the law or upsetting the public order more challenging. This was done with simple techniques of isolating opposing groups of supporters from each other by police cordons, fencing out sections of stadiums, putting up barriers, or ‘cages’ for visiting fans. Other popular ‘hard’ means aimed at increasing the perpetrator’s risk of being subject to negative consequences, which mostly meant intensified police presence at a stadium. The progression to level 2 control was triggered by results brought by research on crowd management techniques conducted after the 2000 European Championship. The new trend involved gradual balancing out the ‘hard’ and ‘soft’ means, the latter having the purpose of limiting provocation and excuses (promoting the atmosphere of a joyful festival at football events, avoiding ‘arming’ and confrontation by security personnel, employment of surveillance and emergency services, etc.).

A comparison of the ways in which football hooliganism situational prevention developed with the integrated model of situational crime prevention brings an interesting insight into the effectiveness of the new situational trend, which is a method broadly employed in Western Europe to counter football hooliganism.

According to R. Wortley, while the notion of opportunity reduction assumes that there already is an offender who is motivated or at least ambivalent and ready to commit a crime, the fact is that motivation to commit a crime may occur as a result of particular situational factors. Wortley defined 4 types of factors motivating a perpetrator to commit a crime, or the so-called precipitators: prompts, pressures, permissibility, and provocations. The integrated concept of situational prevention discussed in the article is a merger of the traditional methods of limiting crime opportunities, or the so-called ‘hard’ means, with a complementary set of techniques minimizing

other situational factors proposed by R. Wortley, i.e. 'soft' means. D.B. Cornish and R.V. Clarke proposed a combination of the two approaches, which resulted in vastly broadened array of situational crime prevention techniques. The authors define 3 perfect offender types: an offender pre-motivated to commit a crime, an ambivalent one (i.e. ready to commit a crime in certain circumstances) and one that would break law only when provoked. They suggest that the new, 'soft' situational prevention techniques are most useful in relation to individuals whose 'readiness' to commit a crime is, in a sense, temporary, i.e. in the last two types of the aforementioned offender types. Some doubts, however, arise as to the claim that the effective solution to be implemented in all three cases is control of motivational factors. It would seem that the new techniques of situational prevention cannot be used in a pre-motivated offender, who is ready to commit a crime and is only looking for a good occasion to do so. It is such doubts, valuable at the practical implementation level, that should be considered when referring to the integrated concept of situational prevention in the context of solutions adopted in Poland.

For Poland, hosting Euro 2012 was a turning point in football hooliganism control issue – it was based on level 2 control measures as recommended by EU, i.e. with predominant use of 'soft' means. However, the preliminary condition to implement the measures is setting such situational arrangement that would be avoided by a motivated offender, or such situational arrangement in which a motivated offender would avoid involvement in football hooliganism, which translates into effective control of criminal opportunity. It must be noted, though, that when 'hard' means are adopted – such as increasing the perceived risk of law-infringement consequences, increasing the effort necessary to break the law and limiting the potential payoffs – the same mistakes are made repeatedly, even if appropriate normative changes have been introduced. The aforementioned integrated concept of situational crime prevention proposed by R.V.G. Clarke and R. Wortley emphasises the importance of proper adaptation of different management techniques to different types of offenders and defines potentially negative consequences of wrong choices. The football hooliganism problem, due to the fact that the definition is incessantly formulated and extended, is not an issue of solely one type of crime: i.e. a contact crime, or involving only one type of offender. The term covers an array of infringements, and the perpetrators are not always pre-motivated offenders, not only 'spur-of-the-moment' ones or provoked ones acting on different motivations – but in variable proportions, it is all of them. This is even illustrated in the classification adopted by police, who group supporters in three categories: A – low risk supporters, B – medium risk supporters, C – high risk supporters. Control over law-breaking motivation factors, taking the form of 'soft' means, seems more appropriate in case of supporters in category A, and to some extent, category B, too. In turn, traditional situational prevention techniques, consisting in control over crime opportunity, prove more effective in countering football hooliganism when the offenders are motivated – thus falling in group C. The problem they posed was successfully dealt with in many European stadiums thanks

to consequent application of the traditional situational prevention techniques, combined with surveillance and stadium bans. It was only after the hools issue was sufficiently dealt with, that the risk related to other groups of offenders was considered. In Poland, however, control over crime opportunity still has some flaws. Despite that fact, 'soft' means are being implemented. Such chaotic approach causes harm to safety, rather than improves it. This is generally true for stadiums where the expensive technological and infrastructural modifications are still a thing of distant future.

KONRAD BUCZKOWSKI

Insurance Fraud (Article 298 Penal Code) in Judiciary Practice

The insurance market is the area of business where fraud is attempted most frequently. Most painful to insurers are undue claims filed for damages under insurance contracts. Insurance related crimes are socially accepted, hence not condemned within a community. Despite their considerably harmful social potential, they are not sufficiently prosecuted, which partly stems from the conduct of insurance companies, who – in consideration of their positive image – are not eager to admit that they have fallen victims to fraud.

This article presents a broad analysis of statistical data on the crime under Article 298 of the Penal Code and presents results of research on pre-trial proceedings and cases concluding with court verdict ruling against the perpetrator of an insurance fraud.

An analysis of the statistical data showed a significant decrease (since 2007) in the number of proceedings instigated under Article 298 Penal Code. The reason behind this phenomenon may be that this type of acts are classified as crime under Article 286 Penal Code, i.e. 'classic' fraud. Generally speaking, proceedings instigated under Article 298 Penal Code have accounted for a very low percentage of all proceedings over the entire decade – 0.02%.

The aim of the criminological research presented in the article was to show the practical side of protecting the insurance market against fraudulent conduct of insured parties; also to attempt to find out if the penal regulation is appropriate, if prosecution under Article 298 Penal Code is correct, and finally, if any changes: be them legislative, to prosecution or penal policies, are necessary to provide effective protection for the insurance industry.

In the file research conducted, the key assumption was to cover a possibly largest group of events defined as insurance fraud. In stage 1 of the research, the proceedings included all those conducted between 1995-2003 under Article 4 of the Trade Protection Act of 12.10.1994 and under Article 298 Penal Code (the Penal Code, as of the day of its enforcement, i.e. 1st Sept. 1998, invalidated the relevant provision of

the aforesaid Act). As stage 2, court proceedings conducted in 2008 were examined, i.e. five years after completion of the core stage of the research. The aim of stage 2 analysis was to compare and define changes in insurance fraud prosecution policies and manners in which the fraud was committed.

The results show that the prospects for rendering the provisions of Article 298 Penal Code useful in providing a penal framework in the Polish law system for dealing with 'specialised' crimes, aiming at protection of the insurance industry, have proven unrealistic. The regulations concerning the offence in question did not become the main tool for countering undue claims of property insurance, including vehicle insurance.

In the summary, the author proposes – apart from legislative changes – to foster cooperation between law enforcement bodies and insurance companies, so that the experience of both can be exchanged and information on insurance crime issues can flow easily.

PAWEŁ BACHMAT

Atypical Bribery Cases in the Opinion of Courts and Prosecutor Offices as Illustrated with Examples of Crimes Committed under Articles 228 and 229 Penal Code

The article presents results of file research involving an analysis of the manner in which court and prosecution applied law in resolving atypical cases of bribery. The subject of the said research were atypical cases of bribery involving crimes under Article 228 and Article 229 of the Penal Code perpetrated by persons performing public functions. The cases discussed followed a number of varied scenarios which, in general, consisted in accepting or granting material or personal benefit or a promise of such in connection with the perpetrator's official capacity. Hence the conduct of the perpetrator did formally fulfil the definition of the crime defined in Articles 228 and 229 Penal Code. However, since some specific circumstances took place, such as a statutory body's decision or penal jurisprudence, the perpetrated act should not render the perpetrator liable to prosecution.

It was found that, when classifying atypical acts of corruption, judicial authorities made some effort to employ lenient penal-legal assessment of the perpetrator's conduct, but they often did so with insufficient diligence and by implementing inappropriate provisions of the penal law.

The atypical bribery cases included circumstances in which physicians misled their patients by suggesting they should purchase a high-end endoprosthesis or medicine produced abroad, on an allegedly free market outside the National Health Fund (NFZ) refunding system. The patients they did so, in spite of the fact that such

recommendations have no substantiation in the public functions of a medical doctor. Physicians would then claim that they assumed the role of an intermediary between a patient and a foreign dealer or manufacturer. In practice, they used prothesis or medicines refunded by the National Health Fund (NFZ). Unaware of that fact, patients acted in error as to the circumstances, fulfilling the definition of an unlawful act (*error facti*), and in particular, the patients were not aware that the money they handed over was in fact a bribe granted in connection with official capacity of the physician. In consequence, the criminal procedure in such cases should either be closed by means of discontinuation or refusal to instigate under Article 17 § 1.2 Criminal Procedure Code subject to Article 28 § 1 Penal Code. Prosecution bodies, however, avoided such classification and in cases like that opted for exempting the informer – briber from the penalty (Article 229 § 6 Penal Code), which did not fully reflect the actual legal and formal circumstances of a misinformed patient's conduct. Especially disagreeable was the fact that the solution adopted by prosecution assumed such patients were guilty.

It was established that the notion of customary gifts, widely accepted in penal law publications as lawful excuse, is in practice defunct. This does not mean that similar facts were never subject to criminal procedure. It did happen, though sporadically, and the usual practice employed by courts and prosecution in this respect was to classify the perpetrator's conduct as act of lesser importance, both in case of a bribe offered (Article 229 § 2 Penal Code) or bribery acceptance by a person of official capacity (Article 228 § 2 Penal Code), or as an act of minor social harmfulness (Article 1 § 2 Penal Code) and discontinuation of proceedings under Article 17 § 1.3) Code of Penal Procedure. It is therefore proposed, *de lege ferenda*, to codify a catalogue of customary gifts to be treated as justified. The lack of a legal and substantive basis (that would be well grounded in codified law) of such justified customary items in codified laws seems to be the main reason behind the fact that judiciary authorities are reluctant to employ this penal law notion in relevant factual circumstances.

In a different group of the analysed cases, i.e. such involving discontinuation of criminal procedure or refusal to instigate criminal procedure due to minor social harm of an act (Article 1 § 2 Penal Code), the analysis conducted allows to conclude that the border between classifying an act as one of minor social danger or act of lesser significance is liquid and it actually remains at the discretion of the person issuing the verdict to decide where the boundary is. Taking into consideration the results of a parallel research on minor corruption cases among government officials, it may be concluded that in largely similar factual circumstances, the conduct of both perpetrators (the person granting and the person accepting a bribe) was classified sometimes as acts of lesser significance, sometimes as acts of minor social harm. In practice, this means that in similar factual circumstances, the conduct of the perpetrator was sometimes deemed a crime, and sometimes it was not.

MONIKA KOTOWSKA

Characteristics of an Organized Crime Group Member in the Light of Humanistic Criminology

The key thesis in humanistic criminology is based on the premise that criminal behaviour in individuals is always an effect of their sovereign decisions, even if – as this is the case in every the type of human behaviour – it is influenced by a variety of factors. The main problem is the origin of a crime, understood as an individual process leading to a crime, or in cases where minors are involved as perpetrators – to a punishable act. The origin of crime would then be concerned with a varied and mostly complex phenomena of the human psyche. The core notion here being the volitional process, which is pivotal when deciding if law has been broken.

In humanistic criminology, empirical research is not only about diagnosing objective premises leading to a crime, but also about analysing the behavioural patterns displayed by a particular individual, with such person's specificity, realm of experience, the relevant psychological components and their core element, i.e. the act of will.

The aim of this paper is to present a criminal biography of a person sentenced for participation in an armed organised crime group and to attempt an interpretation of the biography from the humanistic criminology perspective, as proposed by L. Tyszkiewicz. The analysis employed the biographical method and a case study concerning a concrete perpetrator. The course of life of the researched individual and his involvement in the crime group was described on the basis of an interview. The accuracy of thus obtained data was verified against the body of evidence included in the files of the inmate. The research was conducted in the penal institution where the convict serves a life sentence. The detailed results of the research are included in the article.

PIOTR STĘPNIAK

Prisoners' Health and Health Services in Prisons

The article discusses the problems of health service in prisons in relation to health of prisoners. It refers the results of conducted empirical studies which assumed that the ailments of the imprisoned, specific to their age, actual health service needs, expectations and needs related to health service of prisoners, are indicators of their health. A conception of prisoners' social service by penitentiary administration without pressure on corrective influence formulated by Henryk Machel was the theoretical basis of the study. The study aimed to answer what was health of the prisoners examined,

defined by their general health, needs and expectations concerning health service and to what degree they are answered by the health service in prison.

The study was conducted in prisons under District Inspectorate of Prison Service in Poznań, i.e. remand institution in Poznań and prison institutions in Rawicz and in Wronki. All three institutions are of a closed type.

The study was conducted between January 2011 and November 2012. It included analysis and explanation of acts of law concerning health service in prisons and questionnaires and interviews with prisoners and prison staff. 279 of them were suitable for further study. Structuralized interviews included 30 doctors and 30 prison carers. The results were analysed statistically. They show opinions of the respondents on the problem of health service in prisons.

Young and middle age adults were the majority of the respondents (67,03%). There was a statistically significant relation between general health declared by the respondents and their age. The younger a prisoner was, the better his own general health declared, and vice versa $p > 0,001$, $\chi^2 = 23, 245$).

The data show that half of prisoners declared that imprisonment contributed to deterioration of their health. This is in contrast with a relatively low number of diseases found by doctors after imprisonment.

Among various ailments declared by prisoners, psoriasis and sleep deprivation were the most frequent ones. The most detrimental factor to health was prison stress. Its role was indicated by as much as 17 doctors (62,97% of all doctors in the study). Every fourth doctor indicated bad living and sanitary conditions in prison (25,93%). The same number concerned other factor, i.e. nicotinism among prisoners. This shows that many prisoners assume detrimental health habits in prison conditions.

Results of the research show that, in practice, response to the need of health protection in penal institutions was very diverse. Health protection was a secondary issue and it was a part of various modules of prisoner treatment. They were characterized by various intensity of health service. It was established that the modules were as follows:

1. control and security (63,36% indications in general). In practice, in penal institutions included in the study, this module occurred in two forms:
 - a. social and health (providing security and order, prisoners' control under prison rules, social service and above-standard health care)
 - b. social (providing security and order, prisoners' control under prison rules, social service and standard health care),
2. security and rehabilitation (66,67% indications, providing security and order, providing a minimum level of social service and basic health care, rehabilitation).

Only the first of the above forms allows to fit the problem of health care fully into penitentiary actions.

The study allows for a conclusion that, in the face of the crisis of penitentiary rehabilitation, the role of health care of prisoners will increase – as a consequence of

“non-rehabilitation” modules of prisoner treatment being more and more frequent. Health care, along with ensuring suitable living conditions and social service, may thus become a part of good penitentiary practice. Health care, and to be exact, medical care and medical services for the imprisoned must fit their actual needs.

In general, the research has shown that the objective health condition of the imprisoned included in the study is better than their declarations. However, their health varied from a person to another, most of all related to age. The greatest health needs were declared by seniors and their expectations concerning health care and medical assistance ensured by the prison were greatest too. A practical model of prisoners’ medical treatment must take this into account.

It was established that penitentiary practice employs, most often, modules with basic medical treatment. This is due to the relatively modest prison infrastructure but also to limited budget. Thus, a security – control – pro-health treatment module seems to be a good penitentiary practice. It includes ensuring security to the prison and the imprisoned, order maintenance, above standard health care and social care according to European Prison Rules.

Thus, a good practice must be of an eclectic character. Health care and health protection have an important place in such practice. From this point of view, the research shows a diversified picture of penitentiary reality. On the whole, it is relatively positive.

PAULINA WIKTORSKA

Penitentiary Law against the Background of Other Branches of Law and Selected Problems of Penal and Penitentiary Policies

The article consists of two parts. The first systematises definitions of penitentiary law and presents relations between penitentiary law and other branches of law and fields of science. The voices in discussion on penitentiary law sometimes differ, even in such basic issues as the scope of the very term. This sometimes gives rise to difficulties in qualifying particular provisions to a particular branch of law and causes doubts which rules to apply to particular institutions. Relations between penitentiary law and executive penal law, procedural law, penitentiary science and penal and penitentiary policies are discussed. The second part of the article discusses selected problems of current penal policy related most of all to the use of imprisonment sentence. Between penitentiary law and penitentiary policy or, more broadly speaking, penal policy there are obvious relations. On one hand, this policy is shaped on the basis of the letter of law, on the other hand, based on collected experience, it forces changes in law which fails to respond to actual challenges. Sometimes penitentiary policy, and even mere penitentiary practice, influences provisions of penal law, including penitentiary law,

directly. It also happens that law and penitentiary policy (or penal one) fail to meet as far as their goals and assumptions are concerned. It seems it is so in the case of imprisonment, which often looks different in penitentiary law provisions and in statistics resulting from employment of penal and penitentiary policy. The basic paradox consists in that, in spite of observed decrease in crime levels⁷, penitentiary system becomes more and more inefficient. Poland has one of the highest prisonisation indices in Europe⁸ and constantly growing number of persons sentenced by the courts and waiting for imprisonment sentence to be executed⁹. The waiting line for imprisonment is approaching the number of the imprisoned. This may be due to a several reasons. Firstly, since the beginning of 1990s there has been a steady increase in the shortest imprisonment sentences (of up to 6 months)¹⁰ which were often administered to those guilty of driving a vehicle under alcohol influence. Secondly, Polish prisons are places where a significant number of imprisonments due to probation violations are served – which shows the weakness in execution of alternatives to incarceration. Another problem is cancellation of suspended sentences. The criminal code provided for two ways a suspended sentence can be cancelled, facultative and obligatory. The latter raised serious doubts and was questioned by the Constitutional Tribunal in its decree of 17.07.2013 r., file no. SK 9/10 (as published in the Journal of Laws as item 905). The Tribunal decreed that the “article 75 § 1 of the Act of 6 July 1997 – the Criminal Code (Journal of Laws no. 88 item 553 as further amended) in the extent in which it does not provide for renouncement to inflict a punishment in case when the sentenced person has been sentenced another sentence of deprivation of liberty with conditional suspension, if there are particular considerations, is in breach of art. 1 section 1 of the Constitution of Republic of Poland”. This is because the provision of law in question caused a situation where a judge was so to speak automatically forced to cancel a suspension of a sentence if a convicted person on probation committed a deed similar to the one for which the person was sentenced a conditional suspension. This was forced without any possibility to examine if such sanction was purposeful in case of a given person. Many such cases concerned drunken drivers¹¹ who happened to drive while

⁷ Available at: http://statystyka.policja.pl/portal/st/842/47682/Postepowania_wszczete_przestepstwa_stwierdzone_i_wykrywalnosc_w_latach_1999__201.html [accessed: 12.07.2013]

⁸ Cf. M. Melezini, *Represyjność polityki karnej w okresie obowiązywania nowej kodyfikacji karnej*, w: K. Krajewski (red.), *Nauki penalne wobec problemów współczesnej przestępczości. Księga Jubileuszowa z okazji rocznicy urodzin profesora Andrzeja Gaberle*, Wolters Kluwer, Warszawa 2007, s. 491.

⁹ S. Leleental, *Faktyczne i potencjalne rozmiary przeludnienia jednostek penitencjarnych*, w: *Aktualne problemy prawa karnego. Księga pamiątkowa z okazji Jubileuszu 70 Urodzin Profesora Andrzeja J. Szwarcza*, Poznań 2009, s. 339-350.

¹⁰ Por. J. Skupiński, *Kara bezwzględnego pozbawienia wolności i populacja więzienna w Polsce. Współczesniki prizonizacji w Polsce i w Europie*, w: J. Jakubowska-Hara, J. Skupiński (red.), *Alternatywy pozbawienia wolności w polskiej polityce karnej*, Wydawnictwo Naukowe Scholar, Warszawa 2009, s. 15.

¹¹ According to court statistics they constitute 30% of all convicted, cf. T. Szymanowski, *Polityka karna i stan przestępczości*, w: A. Marek (red.), *System prawa karnego*, tom I: *Zagadnienia ogólne*, Warszawa 2010, s. 241.

drunk during the period of sentence suspension. As an example in 2007, 3,104 drunk drivers were administered an unconditional prison sentence and 65,858 were administered suspended sentences. On one hand, we thus had an increase of prison population by those persons who did not require to be isolated, on the other hand, a certain limitation, if not deprivation of judicial independence. This seems to be a fairly good example of a situation when penal policy, or its effect to be precise, lead to a change in law. The provision questioned by the Constitutional Tribunal will cease to be valid from 9.02.2015. Another problem discussed in the article is the use of conditional release before the end of prison term. The scope of its use is decided by legal norms, penitentiary court practice and activity of prison administration in applying for these¹². Much research shows that recent years saw a reversal in proportions between negative and positive decisions concerning conditional release, with negative ones prevailing¹³. This causes, naturally, that fewer people leave prisons and, in turn, in spite of the decrease in crime rates, prisonisation rate remains high and the waiting lines to prisons increase. If we add to the picture a relatively restricted engagement of judges in decreeing conditional release and almost complete reliance on prison administration, reasons contained in applications sent by administration, and very low percentage of higher-instance controls of court decisions concerning conditional release, it appears that what decides about a particular prisoner release from prison can be a random political trend. It needs to be emphasised then that the change in policy of granting conditional release was not supported by any substantial change in relevant laws. Based on the newest available statistical data it can be forecast that the such trend in decreeing conditional release will be constant in the nearest future. The last but one problem discussed herein is the problem of penal populism reflected in penitentiary policy or, broadly speaking, criminal policy. It has been visible in Poland for a number of years. The picture of the problem of crime in the media is drastically different from actual statistics just like the policy of punishment is different from scientific facts. Penal populism means something more than common-sense labelling of politicians' actions, thinking of a strategy of decisive and harsh treatment which would meet the expectations or intuitions of rigour-oriented opinion of actual and potential electorate of a party, usually from the right wing of the political scene. From the macro-social perspective, populism, sometimes referred to as 'right-wing realism', is most of all a social engineering and purely instrumental means of using the law to gain or sustain public rule. In this sense it is perceived as a tool to implement doctrines and

¹² T. Szymanowski, *Polityka karna i stan przestępczości*, w: A. Marek (red.), *System prawa karnego*, tom I: *Zagadnienia ogólne*, Warszawa 2010, s. 289.

¹³ Por. m.in T. Szymanowski, *Polityka karna i stan przestępczości*, w: A. Marek (red.), *System prawa karnego*, tom I: *Zagadnienia ogólne*, Warszawa 2010, s. 241; P. Wiktorska, *Warunkowe przedterminowe zwolnienie z odbycia reszty kary pozbawienia wolności skazanych młodocianych w orzecznictwie sądu penitencjarnego właściwego dla zakładu karnego we Włocławku*, „Archiwum Kryminologii” 2007-2008, tom XXIX-XXX, s. 763.

¹⁴ T. Kaczmarek, available at: <http://www.racjonalista.pl/kk.php/s,6283> [accessed: 16.07.2013].

public interests”¹⁴. Hence a very simple mechanism of scaring general public with crime. Acting in line of the rule the simpler the diagnosis the simpler therapy encourages people to use simple common sense rules of cause and effect¹⁵. Finally, the article discusses the problem of the Act on procedures towards people with mental disorders which present a threat to life, health or sexual freedom of others. Despite many voices in the public discussion on the problem, Polish Parliament passed the government’s draft of the Act. “Despite the fact that four out of five lawyers and psychiatrists’ expert opinions ordered by the Parliament Office of Analyses were disqualifying and the remaining one critical. The lawyers argued that the Act infringes, among others, constitutional rule of *ne bis in idem* (*autrefois acquit*) and *lex retro non agit* (retroactivity). Psychiatrists – that the Act enforces a punishment in disguise of a treatment. And that personality disorders and mental disability cannot be successfully cured. And, finally, that psychotherapy cannot be forced. Members of parliament did not see a problem”¹⁶. The conclusion mentions that the discussed, only selected, present problems of penitentiary and penal policy related to the punishment of deprivation of liberty show that penitentiary law actually is and should be dynamic and innovative. It must respond to inadequacies which practical application of penal and penitentiary policies expose. At the same time, the law must be so flexible that the policy is left some room for action but is not allowed to dominate.

¹⁵ M. Filar, *Rola mediów w kreowaniu zagrożeń i sprzyjaniu populizmowi*, „Archiwum Kryminologii”, 2007-2008, tom XXIX-XXX, s. 490.

¹⁶ Available at: http://wyborcza.pl/1,75478,14830725,Sejm_przyjal_kontrowersyjna_ustawe_o_izolacji_niebezpiecznych.html#ixzz2pEUaPbVE [accessed: 31.12.2013].

ПОЛЬСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК • ИНСТИТУТ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

ОТДЕЛ КРИМИНОЛОГИИ

А Р Х И В КРИМИНОЛОГИИ

ТОМ XXXV

2013

РЕЗУМЕ

Wydawnictwo Naukowe SCHOLAR

Варшава 2014

РЕДАКЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

Beata Gruszczyńska, Witold Klaus (секретарь редакции), *Anna Kossowska, Krzysztof Krajewski, Barbara Kunicka-Michalska, Zofia Ostrianska* (председатель редакционного комитета), *Irena Rzeplińska* (главный редактор), *Andrzej Rzepliński, Andrzej Siemaszko, Grażyna Szczygieł, Leon Tyszkiewicz, Teodor Szymanowski, Janina Wojciechowska, Dobrochna Wójcik*

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО КОМИТЕТА

Marcelo F. Aebi (University of Lausanne), *Ivo Aertsen* (Catholic University Leuven), *Aleksandras Dobryninas* (Vilnius University), *Frieder Düinkel* (University of Greifswald), *Uberto Gatti* (University of Genoa), *Yakov Gilinsky* (Russian Academy of Sciences), *Helmut Kury* (University of Freiburg), *Miklós Lévy* (Eötvös Loránd University), *Gorazd Meško* (University of Maribor), *Cristina Rechea-Alberola* (University of Castilla-La Mancha), *Joanna Shapland* (University of Sheffield), *Dina Siegel* (Utrecht University), *Alenka Šelih* (University of Ljubljana), *Helena Válková* (Charles University in Prague)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>ПАВЕЛ ОСТАШЕВСКИ</i> Как исследовать страх перед преступностью?.....	423
<i>СТАНИСЛАВ МОРДВА</i> Применение пространственной автокорреляции в исследованиях преступности	424
<i>ИРЕНА ЖЕПЛИНЬСКА</i> Криминальные карьеры несовершеннолетних исполнителей преступлений	427
<i>МАГДАЛЕНА ГЖИБ</i> <i>ЭВА ХАБЗДА-СИВЕК</i> Пол и преступность. Проблема гендерного дисбаланса среди лиц, совершивших насильственные преступления.....	430
<i>АГНЕСКА ГУТКОВСКА</i> Культурное насилие по признаку пола. Кейс убийств по мотивам чести.....	433
<i>МАРЫЛЯ КОСС-ГОРЫШЕВСКА</i> Портрет жертвы торговли женщинами в национальной уголовной судебной практике, составленный на основе анализа приговоров по делам о торговле людьми в 1997-2009 годах	435
<i>ЭДИТА ДЖАЗГА</i> Несколько замечаний о контроле за футбольным хулиганством с учетом ситуативного предупреждения преступности	437
<i>КОНРАД БУЧКОВСКИ</i> Страховое мошенничество в практике правосудия (статья 298 уголовного кодекса).....	440
<i>ПАВЕЛ БАХМАТ</i> Атипичные случаи коррупции в оценках судов и прокуратуры на примере преступлений по статьям 228 и 229 уголовного кодекса	441

МОНИКА КОТОВСКА

Характеристика члена организованной преступной группы с перспективы
гуманистической криминологии..... 443

АГНЕСКА МАРТЫНОВИЧ

Warehouses for the Deportable – Foreign National Prisoners in the UK 444

ПЕТР СТЭПНЯК

Ситуация в области здоровья и здравоохранение заключенных в тюремных
учреждениях..... 446

ПАУЛИНА ВИКТОРСКА

Пенитенциарное право на фоне других отраслей права и избранных вопросов
из области уголовной и пенитенциарной политики 446

ПАВЕЛ ОСТАШЕВСКИ

Как исследовать страх перед преступностью?

Страх перед преступностью составляет объект криминологических исследований с конца 60-тых годов прошлого века, его повсеместно признают за одну из наиболее часто поднимаемых проблем в современной криминологии. В литературе предмета широко дискутируются вопросы понятия страха перед преступностью, его операционализации при помощи отдельных исследовательских методов и техник, а также макро-, мезо- и микрообщественных условий. Статья описывает методологические аспекты проведения исследований, посвященных этой проблеме, и сформулированные в них детальные анкетные вопросы.

Самым частым способом исследования страха перед преступностью является использование определенных анкетных вопросов, задаваемых респондентам в рамках количественных опросных исследований. Предпринимаются также попытки использования других исследовательских методов и техник, таких как углубленные и фокусные интервью или анализ содержания. Среди количественных исследований преобладают два способа измерения страха, а также, что за этим следует, его определения и анализирования. Первый из них предполагает использование одного вопроса (например, о чувстве безопасности во время одинокой вечерней прогулки) с закрытыми категориями ответов. Выбор респондентом определенных категорий рассматривается в качестве индикатора страха. Второй способ рассматривает страх перед преступностью как непрерывную количественную переменную, созданную при помощи шкалы, суммирующей ответы на ряд вопросов о отдельных аспектах беспокойства (например, о страх перед различными видами преступлений). Результаты, полученные благодаря использованию первого из этих способов измерения, представляются как определенный процент респондентов, чувствующих опасение стать жертвой преступления, который должен отражать уровень страха в обществе. Рассматривается также их связь с другими переменными, в рамках двухмерных анализов (например, при использовании кросс-таблиц) и многомерных (например, при использовании логистической регрессии). Презентация одномерных результатов второго из этих способов измерения является намного менее читаемой, поскольку опирается на абстрактной, не поддающейся интерпретации, средней арифметической. Однако при этом они делают возможным определение уровня страха (а не исключительно факта его существования либо несуществования) и использование более точных двухмерных и многомерных техник анализа, таких как сравнение средних и линейная регрессия. Важно подчеркнуть, что доопределение числа, формы и способа задавания этого вида вопросов в литературе является предметом постоянной дискуссии, которой до сих пор, однако, не удалось разрешить.

СТАНИСЛАВ МОРДВА

Применение пространственной автокорреляции в исследованиях преступности

Рассмотрение преступности с точки зрения ее пространственной дифференциации имеет давнюю традицию. Работы, касающиеся этой проблемы, в основном направлены опирались на разработку тематических карт. Более продвинутые методы и техники исследования получили широкое распространение только вместе с распространением персональных компьютеров и развитием программного обеспечения GIS. Одной из возможных для проведения исследовательских процедур стала пространственная автокорреляция, которая обсуждается в данной статье. В практическом плане пространственная автокорреляция означает степень коррелированности наблюдаемого значения переменной в данной локализации, со значением той же переменной в иной локализации, то есть она связана с наличием в пространстве сосредоточения анализируемых явлений либо их отсутствием.

В статье сначала представлены теоретические и практические основы явления автокорреляции. В след за иными исследователями выдвинута гипотеза, что основной причиной появления пространственных зависимостей или пространственной автокорреляции, являются взаимодействия, которые происходят между соседствующими в пространстве объектами. Отсюда происходит вывод, что уровень исследуемого явления в одной пространственной единице имеет влияние (стимулирующее либо дестимулирующее) на уровень этого явления в соседних единицах. Это находит подтверждение в первом законе географии Уолдо Тоблера (Waldo Tobler) «в пространстве все связано со всем остальным, при этом ближе расположенные вещи связаны более, чем вещи далекие». Исследования пространственной автокорреляции может привести к обнаружению одной из трех ситуаций (рис. 1): а) положительная автокорреляция – когда единицы с высокими значениями свойства соседствуют с единицами также с высокими значениями этого свойства (*hot spoty*), а единицы с низкими значениями свойства также соседствуют с собой (*cold spoty*); б) отрицательная автокорреляция – единицы с высокими значениями свойства/характеристик соседствуют с единицами с низкими значениями характеристик, и наоборот, в) отсутствие автокорреляции – нет регулярности, потому что соседними с единицей с высоким уровнем свойства/характеристиками, являются единицы с различными уровнями этого свойства/характеристики – и высоким и низким.

Для исследования склонности явления к автокорреляции необходимо сначала установить происходящие пространственные отношения между пространственными единицами – то есть уровень (интенсивность) соседства. Эти отношения имеют вид матрицы пространственных весов (рис. 2), в ко-

торых используются отношения королевы (*queen contiguity*) или башни (*rook contiguity*). Данные веса можно также обозначить на основе принятого расстояния (*threshold distance*) или на следующего n -соседства (*k-nearest neighbors*). В отношении интенсивности контактов, носящих социально-пространственный характер, принято, что лучшие эффекты в случае анализа преступных явлений дает конструкция матрицы в отношении королевы. Выдвинуто предположение, что в распределении патологии в городе существенными являются непосредственные контакты людей, живущих по соседству – не имеет при этом значения существование неформальных или формальных границ (кварталов, жилых домов, или округов).

Формальную оценку качества автокорреляции делают возможной соответствующие показатели, которые можно рассмотреть на глобальном и местном уровне. В соответствии с этим, в статье выявлялась сила глобальной автокорреляции с помощью статистики I Морана (Moran), а на местном уровне рассчитывались статистики *LISA* (использовался факт, что сумма значений местных статистик *LISA*, равняется значению I).

После представления общих допущений описываемого метода автокорреляции, в тексте представлены результаты проведенных анализов, также в форме помещенных в тексте графических изображений. В этой части статьи обращается внимание на обусловленность полученных результатов от подбора шкалы пространственных единиц (рис. 4, 5, 7), а также от выбора подходящей весовой матрицы, то есть определения пространственного соседства (рис. 8).

В случае изучения пространственной автокорреляции на национальном уровне на рисунке 4 показаны результаты расчетов интенсивности преступления ($I = 0,436$). В отношении общеизвестного и утвердившегося в течение многих лет образа распределения пространственной интенсивности преступлений в Польше, полученные результаты не должны удивлять. На востоке страны, где совершается относительно мало преступлений, идентифицировано сосредоточение двух воеводств (Люблинское и Мазовецкое), образующих *cold spot* преступности. В отличие от этого, *hot spot* преступности, является расположенное на западе Польши Любуске воеводство, в котором определяется наибольшая интенсивность преступлений в стране (4014 преступлений на 100 тысяч жителей). Тем не менее, если данные, агрегированные на уровне воеводств, будут разделены на более мелкие районы, то получим иные значения глобальной статистики автокорреляции, а также иные сосредоточения локальной автокорреляции. Несмотря на сохранение значения изучаемого явления, изменится расположение и количество соседствующих единиц. Рисунок 5 вновь показывает пространственную автокорреляцию интенсивности преступлений, но в структуре 66 подрегионов. Прежде всего, можно заметить значительную концентрацию типа *cold spot* на востоке страны. Кроме того, определены два *hot spot*, один из которых включает в себя города Верхней Силезии, а второй включает в себя подрегионы Щечинский и Штаргардский (рис. 5).

Далее использовано пространственную автокорреляцию для определения картины преступности в пространстве города – на примере Лодзи. Результаты исследований пространственной автокорреляции трех различных переменных, касающихся преступности (количество преступлений, интенсивность преступлений на 1000 жителей, плотность преступлений на 1 га) показаны на рисунке 7. На этом рисунке обращается внимание на очень похожее расположение *hot spotu* преступности – ограниченное центральной частью города (несмотря на явные различия в значении уровня глобальной автокорреляции). Эта часть города характеризуется самой старой, многофункциональной застройкой в среднегородском типе. Как видно и из других исследований, здесь находятся жилые комплексы очень разного стандарта, с включениями более новой блочной застройки. Это те области, которые требуют не только срочного ремонта технической ткани города, но также действий в общественной среде. При этом, расположение *cold spot*, хотя и отличается на каждой карте на рис. 7, каждый раз касается только секторов во внешней части города. Большинство из них – это бывшие деревни, характеризующиеся односемейной застройкой.

На рисунке 8 показаны результаты анализа автокорреляции плотности преступлений в Лодзи при использовании различных матриц веса: отношения королевы, башни и $n = 3$ ближайших соседей. Стоит отметить, что во всех случаях значения глобальной статистики примерно на том же средне-высоком уровне – лучший результат автокорреляции получено, однако, для матрицы $n = 3$ ближайших соседей (т.е. иначе, чем то предполагается в случае исследования в масштабе Польши). Полученное общее расположение областей, подверженных риску преступности в Лодзи является модельным, хотя продемонстрированы некоторые отличия – особенно в случае охвата областей с относительно низкой плотностью преступлений. Самые опасные места с высокой концентрацией преступлений находятся в центре города, в то время как периферии относительно безопасны.

Основным преимуществом анализа пространственной автокорреляции является возможность получения синтетического описания пространственно-разнообразия изучаемого явления в виде конкретных значений глобальной и локальной статистик, а также в виде карт или диаграмм рассеяния. Вместо исследования автокорреляции, можно, конечно, сделать интерпретацию и описание тематических карт (рис. 6), что, однако, не является объективной исследовательской процедурой и не может дать четкого эффекта в виде модели и обобщений. Анализ пространственной автокорреляции преступности позволяет получить обобщенную модель распределения преступлений в пространстве, а также на идентификацию проблемных мест концентрации этой патологии (рис. 8), что, в свою очередь, может быть использовано в превентивной практике соответствующих служб (на это обращает внимание большинство цитируемых в статье авторов).

Идентифицирование сосредоточений преступности может дать нам образ мест, в которых совершается много преступлений, но не дает ответа на вопрос: *почему некоторые места являются более криминогенными, чем другие?* Для этой цели необходимо исследовать пространственную регрессию.

ИРЕНА ЖЕПЛИНЬСКА

Криминальные карьеры несовершеннолетних исполнителей преступлений

Тринадцать лет назад, реализуя криминологические исследования несовершеннолетних в рамках исследовательского проекта Министерства науки и высшего образования: «Несовершеннолетние исполнители преступлений – в прошлом и сегодня», я решила изучить две репрезентативных для Польши совокупности несовершеннолетних:

- 1) первая – это несовершеннолетние, имеющие дела в судах в 1985-1988 годах: подбор материалов дел зависел от возможности их получения. Согласно предпосылке, я планировала проведение исследований на репрезентативной выборке дел по преступлениям несовершеннолетних, находящихся в судах для несовершеннолетних в 1980 году. Это оказалось невозможным: материалы дел несовершеннолетних с 1980 г. в 2000 году, когда организовала исследования, были, согласно действующему праву, уничтожены (далее я использую название «совокупность с 80-х годов»);
- 2) вторая – это репрезентативная для Польши выборка дел несовершеннолетних, отвечавших в 2000 году перед судами для несовершеннолетних за уголовные преступления (далее называемая «совокупность 2000»).

Главной исследовательской предпосылкой проекта исследований над несовершеннолетними преступниками было изучение и характеристика преступности несовершеннолетних и их социальных профилей. Исследования касались современных несовершеннолетних – «совокупность 2000», а также бывших несовершеннолетних, дела которых рассматривались в судах в восьмидесятых годах: 1985-1988. Я хотела присмотреться к несовершеннолетним исполнителям преступлений, относящимся к поколению родителей тех, с «совокупности 2000». Сделать шаг назад о поколение было невозможно (материалы дел несовершеннолетних были уничтожены). Решила, что предметом исследования сделаю совокупность несовершеннолетних, отвечающих за преступления в судах для несовершеннолетних, в восьмидесятых годах XX века.

В 2000 г. в Национальном уголовном реестре (НУР) была проверена судимость двух совокупностей несовершеннолетних: «совокупности 2000» и «совокупности с 80-х годов». Период катмнеза для «совокупности 2000» составлял 9 лет. После окончания 17 лет (возраст уголовной ответственности в польском уголовном праве), в «совокупности 2000» было осуждено за совершение преступления 390 бывших несовершеннолетних, то есть 51,3% среди отвечающих в судах для несовершеннолетних в 2000 году. Эта совокупность бывших несовершеннолетних, во время проверки в НУР, находилась в возрасте 20-28 лет, причем большинство, 80%, составляли исполнители в возрасте 24-28 лет – молодые взрослые, в возрасте наивысшей преступной активности.

Совокупность несовершеннолетних «с 80-х годов» насчитывала 555 человек. Период катмнеза для этой совокупности составлял 22-28 лет. В ней, по информации с НУР, было осуждено, после окончания 17 лет, 187 лиц, то есть 33,7% среди 555 «отвечающих» в восьмидесятых годах как несовершеннолетние. Во время проверки в НУР, в 2010 году, бывшие несовершеннолетние были в возрасте от 35 до 44 лет. В отношении этой совокупности, часть осуждений могла быть закрыта, а значит не фигурировала в уголовных картах, в связи с чем, о части осуждений в ней, в период катмнеза, просто не знаем.

Исследования дальнейших судеб бывших несовершеннолетних, лонгитюдные исследования, исследования уголовных карьер – это названия тех самых типов исследований в криминологии, главным и общим исследовательским вопросом которых является вопрос про то, какая часть бывших несовершеннолетних исполнителей преступных деяний совершит преступления во взрослой жизни? Детальные вопросы это:

- каким является род и вес преступности бывших несовершеннолетних, совершаемой во взрослой жизни?,
- какая часть бывших несовершеннолетних станет закоренелыми преступниками, будет совершать преступления всю свою взрослую жизнь, аж до старости?,
- можно ли определить этиологические факторы (факторы риска) закоренелых преступников, содержащиеся в их ситуации, как несовершеннолетних?,
- с кем будет иметь дело система правосудия?; какая часть бывших несовершеннолетних станет клиентами системы правосудия?

В обеих совокупностях были несовершеннолетние, которые, как взрослые, являются исполнителями разного рода преступлений, где преступления против имущества, разбой, имеют значительную позицию. Среди младших – «совокупности 2000» – необходимо заметить появление судимостей за преступления, связанные с наркотиками, компьютерные мошенничества. В обеих совокупностях наблюдаем одну общую черту: одна третья бывших несовершеннолетних была осуждена, в период катмнеза, только один раз. Две трети – больше, чем один раз. В обеих совокупностях мы увидели тех, кто имел

за собой 10 и более осуждений: это многократно судимые, закоренелые преступники, те, с криминальной карьерой. Предвидящая совокупность несовершеннолетних, которые в будущем, как взрослые, станут преступниками, и будут многократно судимы в ходе своей взрослой жизни, – это, как можно оценивать, около 10% тех, кто сегодня отвечает перед судами для несовершеннолетних за свои деяния. Информация о оцениваемой совокупности закоренелых, многократно судимых преступников, это подсказка для управляющих системой правосудия, учреждениями исполнения наказаний, учреждениями социальной помощи – о том, с совокупностью какого размера, и сколько стоящей, они будут иметь дело.

Показатели риска становления взрослым преступником мы определили, исследуя социальные профили бывших несовершеннолетних и сравнивая наличие определенных черт в группе судимых и несудимых во взрослом возрасте. Несовершеннолетние, которые были осуждены за преступления как взрослые, характеризовались, и это было в каждой из исследованных здесь совокупностей, определенными общими социальными чертами, каковые значительно реже проявлялись в группе несудимых во взрослости:

- имели по несколько дел в суде для несовершеннолетних,
- все имели проблемы с обучением в школе, подтверждаемые в школьных заключениях, имели проблемы с поведением в школе (гиперактивные, агрессивные, вульгарные),
- воспитывались в проблемных семьях, с отцом, как минимум, злоупотребляющим алкоголем.

Эти выводы указывают на одно: потребность и целенаправленность раннего вмешательства в отношении тех учеников, которые демонстрируют трудности с обучением и проблемы с поведением в школе. Есть шанс на улучшение судьбы несовершеннолетних, чтобы они не стали взрослыми преступниками. Но только шанс. Система уголовного правосудия никогда эффективно не устранил обременительных, закоренелых, возвращающихся исполнителей преступлений, называемых также «преступники с карьерой»¹.

Matt DeLisi задает вопрос: является ли этичным предвидеть поведение лиц и оценивать, что если кто-то имеет в прошлом несколько приговоров, то у него будут и следующие? Этично ли использовать термин «career criminals»? Это также вопросы о смысле исследования дальнейших судеб несовершеннолетних исполнителей уголовно-наказуемых деяний. Данные исследования имеют смысл для формулирования позиции о том, как сформировать меры реагирования в отношении несовершеннолетних: из результатов исследования видно, что эти меры должны быть поддерживающие, воспитательные и охватывающие действием несовершеннолетнего и его семью.

¹ M. DeLisi, *Career Criminals in Society*, Sage Publ. 2005.

МАГДАЛЕНА ГЖИБ
ЭВА ХАБЗДА-СИВЕК

Пол и преступность. Проблема гендерного дисбаланса среди лиц, совершивших насильственные преступления

Факт, что обычно женщины совершают меньше преступлений, чем мужчины (англ. *gender gap in crime*), на протяжении многих лет является предметом изучения криминологов. Эта закономерность присутствует практически везде, в том числе, в Польше. Исследователи, занимающиеся диспропорцией присутствия женщин среди исполнителей преступлений, в основном сосредотачиваются на двух аспектах проблемы. Во-первых, пробуют ответить на вопрос, почему женщины совершают меньше преступлений, чем мужчины, то есть, концентрируются на самом факте гендерного дисбаланса. Во-вторых, пытаются объяснить и интерпретировать возможные изменения этой диспропорции во времени, а точнее – заметное в официальных статистиках (особенно в США) в последние десятилетия сокращение указанного неравенства.

Используя общедоступные полицейские статистики за период с 1992 по 2011 год, касающиеся лиц, подозреваемых в следующих преступлениях: убийство (ст. 148 Уголовного кодекса), причинение тяжкого вреда здоровью или нарушения функциональности тела, либо расстройства здоровья (ст. 156 Уголовного кодекса и ст. 157 Уголовного кодекса), участие в драке или избиении (ст. 158 Уголовного кодекса и ст. 159 Уголовного кодекса) и, так называемые, разбойные преступления (ст. 280 Уголовного кодекса, ст. 281 Уголовного кодекса и ст. 282 Уголовного кодекса), мы решили ответить на вопрос, насколько большой является диспропорция между женщинами и мужчинами, как исполнителями выбранных преступлений с использованием насилия в Польше, и изменяется ли она во времени. Особенно мы хотели определить, меняется ли гендерный дисбаланс среди исполнителей отдельных преступлений в Польше (снижается ли), как это происходит в западных странах. Результаты предыдущих исследований, особенно проведенных в США, показывают, в частности, то, что в течение нескольких десятилетий, этот дисбаланс уменьшается. При этом, указывается на две гипотезы, объясняющие такую тенденцию. Первая гипотеза, которая может быть определена как гипотеза изменения поведения (*Behaviour Change Hypothesis*), подчеркивает тот факт, что за последние десятилетия женщины стали более социально активны и схожи в своем поведении с мужчинами, что перекладывается на их большую склонность к агрессивному поведению и также находит свое отражение в статистиках преступности. Таким образом, эта гипотеза будет описывать реальное изменение в поведении женщин и эволюции гендерных ролей. Согласно второй объясняющей гипотезе, которую можно назвать гипотезой изменения политики действий (*Policy Change Hypothesis*), это очевидное изменение связано не столько с принятием

женщинами мужских моделей поведения, но с самим фактом изменения отношения к насилию и натиском на реагирование со стороны правоохранительных органов на любое, даже самое маленькое проявление насилия, независимо от пола и возраста правонарушителя.

Анализу данных, касающихся Польши, предшествует краткий обзор современных криминологических концепций, касающихся отношений пола и преступности, с точки зрения их возможности объяснить количественные и качественные различия в преступной активности мужчин и женщин. Более конкретно мы обсудили, частности: теорию контроля Т. Hirschi, теорию власти – контроля J. Hagan, общую теорию напряжения R. Agnew (при этом концепции L. Broidy и R. Agnew, относятся *stricte* к преступности женщин), теории различных социальных ролей, теорию патриархального общества J.W. Messerschmidta, а также обусловленную полом теорию преступности женщин (Gendered Theory of Female Offending) D. Steffensmaier.

Анализ доступных данных привел нас к выводу, что в трех из четырех анализируемых категорий насильственных преступлений, количество подозреваемых женщин росло быстрее, чем мужчин. Усиление и течение этих изменений во времени зависит от вида анализируемых действий. По отношению к убийствам гендерная структура является относительно стабильной, но стоит отметить общую тенденцию к снижению числа людей, подозреваемых в убийстве, которая является более сильной в случае женщин, чем мужчин. В то время, как в категории нанесения вреда здоровью, мы отмечаем растущее участие и более высокий показатель динамики подозреваемых женщин, нежели мужчин. В случае драк и избиений, мы наблюдаем увеличивающуюся долю женщин среди подозреваемых, хотя она также вытекает из сокращающегося числа подозреваемых мужчин. Следует подчеркнуть, что растущая доля женщин среди подозреваемых имеет место особенно в последние годы, что указывает на возможность изменения способа реагирования (политики действий) в отношении деяний, совершаемых женщинами. На указанный выше рост могло повлиять, в частности, усиление чувствительности к проблеме насилия в школах и создание в структурах полиции в последние годы превентивно-криминальных групп по делам несовершеннолетних. В случае разбойных преступлений также наблюдается высокий уровень роста женщин, при суммарном небольшом возрастании числа женщин-подозреваемых. В последние годы, несмотря на повышение темпов роста, число женщин претерпевает небольшие изменения, что позволяет предположить, что рост участия женщин, в основном, связан с уменьшением числа мужчин, подозреваемых в совершении разбойных преступлений.

Мы считаем, что влияние на изменение образа преступности женщин и девочек имеют, в равной степени, как изменения в поведении, связанные с культурными определениями пола, так и способ восприятия и реагирования на нарушение правовых норм со стороны женщин и девочек. За ключевые, для

изменения способа реагирования на польской почве, мы посчитали моменты, связанные с расширением определения насилия (охват уголовно-правовым контролем ситуаций в школах, либо частных местах, особенно в домах, где женщины привыкли чаще демонстрировать агрессивное поведение, а также регистрация более легких форм актов насилия), организационными изменениями в деятельности полиции и следственных органов (в том числе, принятие на работу большего числа женщин, что может повлиять на более равное обращение с женщинами со стороны органов следствия², а также созданием специализированных превентивно-криминальных подразделений по делам несовершеннолетних). Более того, не без значения может быть иное структурное изменение, а именно – образовательная реформа в Польше и внедрение гимназий, что связывалось с уменьшением возраста изменения среды сверстников. Построение социального положения в новой группе сверстников также может быть связано с нарушением общественных и правовых норм. Общественные кампании, способствующие повышению чувствительности к проблеме насилия, а на институциональном уровне – поощрение учителей в желании реагировать на каждое проявление насилия и сообщать о фактах даже незначительных нарушений права полиции (чаще, чем до настоящего времени происходило информирование о таких случаях директорами школ), также могло способствовать увеличению числа несовершеннолетних среди исполнителей преступлений с использованием насилия.

В заключение можно отметить, что все вышеуказанные факторы и системные изменения могли привести к большей «видимости» женщин и девочек в официальных статистиках преступлений, хотя это увеличенное представительство женщин среди лиц, совершивших насильственные преступления, не обязательно должно означать, что женщины на самом деле совершают больше, чем ранее, таких актов. Несомненно, однако, анализ полученных данных дает право на извлечение гипотезы, что при изучении взаимосвязи между полом и совершением насильственных преступлений, необходимо учитывать дополнительную переменную возраста преступников. Уменьшающаяся гендерная диспропорция, вероятно, будет больше в более молодых возрастных группах. Определение того, наступило ли среди молодых девушек фактическое культурное изменение, связанное с переменами в структуре социальных ролей женщин, что способствовало их склонности к агрессивному поведению, требует углубленных качественных исследований.

² В контексте изменения подхода к женщинам, влияние на регистрируемое количество преступлений имело количество принятых на работу женщин-полицейских. Автор ссылается на исследования, согласно которым женщины, занятые в полиции, делают больший упор на равное обращение с женщинами и мужчинами, в результате чего офицеры были менее снисходительны в отношении женщин.

АГНЕСКА ГУТКОВСКА

Культурное насилие по признаку пола. Кейс убийств по мотивам чести

Преступления, основа которых встроена в культуру исполнителя, являются преступлениями особенными, уникальными с разных точек зрения. Во-первых, они гораздо более шокирующие, чем «типичные» преступления в данном обществе, именно в связи со своей «инностью» и относительно редким появлением. Во-вторых, из-за своей специфики они являются серьезным вызовом для правоохранительных органов, и кажется, прежде всего, для судов, которые должны справиться с чужими и часто непонятными, с точки зрения их собственной культуры, поведением и ситуациями. Это также проблема, представляющая вызов для ученых, пытающихся как можно лучше описать и, прежде всего, понять механизмы, ведущие к совершению такого рода преступлений. Целью статьи является представление специфики «убийств чести», характеристики преступников и жертв таких преступлений, а также объяснение процесса мотивации преступников, которые часто не менее сильно, чем их жертвы, связаны обязательствами, вытекающими из принципов обязывающих культурных норм. Это также попытка определения своего отношения к функционирующему в литературе тезису, что насилие в отношении женщин (независимо от их культуры и религии) происходит из патриархальной общественной структуры, и не должно, однако, связываться с конкретной культурной системой³.

В данной статье представлено мнение, что и для правильного анализа убийств чести и для разработки как можно более эффективной системы предотвращения и борьбы с этим явлением, необходимо очень ясное и четкое различие между проявлениями и источниками насилия, с которым сталкиваются женщины в разных культурах, а также мотивацией преступников. Это различие необходимо уже на уровне терминологии, в том числе поэтому статья вводит понятие «культурного насилия по признаку пола». Само понятие насилия по признаку пола носит слишком общий характер, чтобы иметь возможность использовать его для определения таких чрезвычайно разных случаев, как например, экономическое насилие мужа по отношению к жене, запугивание или даже супружеское изнасилование и убийства чести. Квалификация убийств

³ Такой тезис следует из статьи М. Платэк *Убийства на фоне чести. Проблема веры или дискриминация по признаку пола*, в: Р. Верушевски, М. Выжиковски, Л. Кондратьева-Брызик (ред.), *Правовые границы свободы совести и религии*, Варшава, 2012, стр. 287-311 (М. Płatek *Zabójstwa na tle honoru. Problem wyznania czy dyskryminacji ze względu na płeć*, w: R. Wieruszewski, M. Wyrzykowski, L. Kondratiewa-Bryzik (red.), *Prawne granice wolności sumienia i wyznania*, Warszawa 2012, s. 287-311).

чести просто как насилия по признаку пола, без точного определения, где лежит источник этого насилия, становится небезопасной, поскольку, как следствие, появляются мнения, приравнивающие нарушения прав женщин в мире западной культуры к нарушениям, которые женщины испытывают в культурах чести или в сообществах, исповедующих ислам. Между тем, это не верное утверждение, что женщины испытывают одинаковое насилие независимо от религии и культуры, из которой они происходят. Существует решительная разница как между обращением с женщинами, так и между социально приемлемой формой репрессий в случае нарушения ими обязывающих норм в культурах, выросших на грунте христианской традиции, узнающих основные права человека и в культурах чести или мусульманских сообществах. Более того, без изменения культурных принципов или интерпретации религиозных норм, не может быть и речи об улучшении положения женщин, находящихся под угрозой убийств чести, поскольку это культура и религия, или точнее, вероятно их элементы либо их инструментальное использование, являются источником такого рода насилия.

Для правильного понимания проблематики убийств чести необходимо, во-первых, отделение мотивов обоих видов насилия по признаку пола. Мотивом насилия по признаку пола в западной культуре может быть злость, ревность, желание отомстить жертве или даже унижить ее. Все это, однако, эмоциональные мотивы, абсолютно отличные по своему характеру от мотива, направленного на цель, которой является возвращение чести семье и ее потерянной общественной позиции, так как это есть в обществе, из которого происходят жертвы убийств чести. Вторая фундаментальная разница основывается на том, что насилие в отношении женщин в западной культуре трактуется как патология и нарушение обязывающих норм. Тем временем в обществах, в которых доходит до культурных преступлений, жертвами которых становятся женщины, такое поведение не составляет нарушения нормы, а наоборот, служит защите важных в том мире ценностей. Поэтому анализируя случаи убийств чести необходимо ясное обозначение, что разговор идет о «культурном насилии по признаку пола». Только терминологическая точность сделает невозможным размывание разниц между преступлениями чести, прежде всего убийствами⁴, и другими формами насилия в отношении женщин. Эта разница является существенной также потому, что предотвращение и преодоление таких разных случаев насилия в отношении женщин требует абсолютно иных фактических и правовых действий. Чтобы защитить жену от агрессии пьяного мужа необходимо предпринять абсолютно другие действия, как превентивные, так и репрессивные, нежели нацеливаясь защитить девушку перед убийством, старательно запланированным ее близкими. Более того, во втором случае западный мир имеет очень ограниченные знания на тему механизмов, ведущих

⁴ Но также, например, вынужденными браками, обрезанием женских половых органов и т.п.

к появлению культурного насилия по признаку пола и его специфики, именно потому, что понимание этого явления требует знакомства с той культурой, в рамках которой оно появляется. Предотвращение и преодоление культурного насилия по признаку пола и так является исключительно трудным, поскольку *de facto* означает необходимость защиты женщины перед ее собственным сообществом и культурой, в которой она прошла процесс социализации, либо необходимость изменения этой культуры. Однако без понимания сущности проблемы эти действия будут абсолютно точно осуждены на неудачу.

МАРЫЛЯ КОСС-ГОРЫШЕВСКА

Портрет жертвы торговли женщинами в национальной уголовной судебной практике, составленный на основе анализа приговоров по делам о торговле людьми в 1997-2009 годах

Статья презентует результаты анализа польских приговоров по уголовным делам 1997-2009 годов, касающихся торговли людьми (бывшие статьи 253 §1 и 204 §4 Уголовного кодекса) с точки зрения лица, пострадавшего от этого преступления. Исследованиями были охвачены 59 судебных дел, рассматривающих сексуальное использование женщин, в которых был вынесен обвинительный приговор (вступивший в законную силу или нет).

Цели исследований – воссоздание того, как жертва торговли женщинами рассматривается судьями, изучение применяющегося судьями языка относительно пострадавших лиц, а также проверка того, можно ли в этом случае говорить об определенной модели либо моделях представления образа жертв торговли женщинами среди судей.

В рамках настоящего исследования был сделан анализ семантического поля, а также качественный анализ. Выводы первого из них показали, прежде всего, на сильную разницу используемого судьями языка, относящегося к жертвам: от формального, чиновничьего характера («пострадавшая», «женщины», «свидетель»), по поточный, низкой степени формализации, иногда скорее вульгарный («живой товар», «придорожная путана»). Если первый из этих стилей избавлен от оценочного аспекта при представлении жертвы торговли женщинами, то второй является выражением видения ее в негативном свете – как проститутки, либо наивной, легкомысленной девушки.

Анализ семантического поля показал, что среди определений, относящихся к жертве, доминируют те, которые наводят на мысль, что эти женщины заслужили то, что их встретило. В таких выражениях содержится элемент виновности жертвы, предполагающий, что эта женщина или способствовала совершенному в отношении нее преступлению или же ситуация, в которой

она оказалась, вовсе не являлась для нее такой уж серьезной и травматичной. Часто подчеркивается тот факт, что жертвы сами соглашались на выезд, либо уже ранее занимались проституцией.

Интересные выводы приносит анализ эквивалентов семантического поля, то есть выражений, которыми судьи заменяют слово «жертва». Среди них выделяются две группы – с негативной оценкой в отношении потерпевшей особы и те, что носят нейтральный характер. В первой группе выражений присутствуют такие обороты, как: «предмет торговой трансакции», «особа из общественного маргинеса», «собственность», «живой товар», «товар, являющийся предметом», «девушка для компании», «пани для компании», «девицы». Значительная часть выражений была подобрана таким способом, как будто жертвы торговли людьми *de facto* были проститутками («проститутки», „«ти-рувки», „«пани для компании»»). Кроме этого, обращает на себя внимание использование колоквиализмов, а иногда даже и вульгаризмов, применение которых неуместно в документах такого значения. То, что судьи заключали в кавычки некоторые из вышеуказанных выражений, не может оправдывать их применения.

Другим сбором эквивалентов являются те выражения, которые не содержат оценочного аспекта: «потерпевшая/потерпевшие», «женщины», «свидетель», «девушки», «человеческая личность». Среди эквивалентов также нашлось несколько выражений, связанных с фактом оказания сексуальных услуг жертвой торговли людьми мнимо нейтрального характера, фактическое значение которых выражает снисходительное или даже презрительное отношение к жертвам («пани», «работницы», „«артистки», «девушки», «девицы»).

Качественный анализ сделал возможным более глубокое ознакомление с исходным материалом. Главным вытекающим отсюда выводом стал тот факт, что жертва торговли людьми в превосходящем большинстве приговоров воспринималась судьями как проститутка, причем, установленные в ходе процесса факты не всегда позволяли сделать именно такие выводы. Во многих делах судьи подчеркивали добровольность занятия проституцией женщинами.

Очень часто смягчающим обстоятельством при назначении наказания для преступников был факт согласия жертв торговли людьми на выезд либо/и на то, что ее будут использовать. Данное обстоятельство не согласуется с национальной и международной доктриной, так как согласие потерпевшего лица на использование не имеет значения. В одном из решений суд прямо написал, что применение исключительного смягчения наказания было связано с тем, что жертвы являлись «профессиональными проститутками».

При обосновании назначенных наказаний, судьи нередко неправомочным способом относились к поведению или чертам характера потерпевших лиц. Среди черт характера жертвы, отмеченных судьями, чаще всего выступали деморализация и плохое поведение (это особенно касалось несовершеннолетних потерпевших) либо их наивность и беспечность. Иногда случалось, что

именно по этому поводу судьи решались на снижение наказания для исполнителей преступления. В некоторых анализируемых приговорах судьи прямо представляли мнение, что женщины стали жертвами именно в связи с этими определенными чертами личности. И таким образом поведение виновного в преступлении оправдывалось легкомысленным поведением жертв либо их деморализацией.

Поскольку во всех исследованных решениях судьи ссылались на такие доказательства, как показания жертв торговли людьми, на этой основе можно воссоздать портрет жертвы данного преступления и как свидетеля в суде. В преобладающей части приговоров судьи доверяют показаниям жертв, хотя были также случаи, когда показания ставились под сомнение, либо полностью отклонялись. Например, в одном из дел, аргументом, говорящим за отклонение показаний свидетеля, для суда явилось то, что жертва была заинтересована в представлении себя как жертвы торговли людьми. В исследуемой пробе нашлись также немногочисленные, к сожалению, случаи применения норм Уголовно-процессуального кодекса, относящиеся к защите жертвы (например, требование покинуть зал судебных заседаний подсудимому во время дачи показаний жертвой) и показывающие высокий уровень эмпатии и понимания немногими судьями трудного положения пострадавшего лица.

Несмотря на специализированное образование и необходимую подготовку польских судей к исполнению своей профессии, их мнения и наблюдения, касающиеся жертв торговли женщинами, не являются свободными от социально сформированных взглядов и стереотипов. Данные обстоятельства, как показано в тексте, нередко перекладываются на их определенное отношение к виновному в совершении преступления, а также на размер присуждаемого ими наказания.

ЭДИТА ДЖАЗГА

Несколько замечаний о контроле за футбольным хулиганством с учетом ситуативного предупреждения преступности

Развитие международного контроля за футбольным хулиганством осуществлялось в нескольких направлениях и охватывало различные элементы контроля (в широком понимании этого слова) над этим явлением. Можно выделить 4 периода, отличающиеся между собой типами контроля за футбольным хулиганством: первый, с 60-х гг. 20-века до 1985 г., второй – между 1985 и 1997 г., третий – от 1997 до 2000 г., и четвертый – от 2000 года до настоящего момента. В случае ситуационного предотвращения футбольного хулиганства, можно выделить контроль I и II степени. Первый тип контроля характеризовался, прежде

всего, упором на применение «жестких» мер, т.е. действий, приводящих к тому, что нарушение закона или общественного порядка требовало дополнительных усилий со стороны нарушителей, за счет использования простых методов сегрегации болельщиков команд противников – полицейских кордонов, ограждений и «клеток» для приехавших из других городов болельщиков. Второй тип распространенных «жестких» мер приводил к повышению риска того, что хулиган столкнется с негативными последствиями своего поведения, в основном за счет усиления полицейского надзора на стадионе. Переход к контролю II степени был осуществлен под влиянием исследований по управлению толпой, которые начали проводиться после чемпионата Европы в 2000 г. В рамках новой тенденции осуществлялось постепенное выравнивание пропорций между «жесткими» и «мягкими» мерами, т.е. мерами, направленными на уменьшение провокации и самооправдания (поддержание атмосферы праздника во время матча, избегание ситуаций, когда охранники «вооружаются» и вступают в конфронтацию с болельщиками, использование служб, предоставляющих информацию и обеспечивающих порядок и т.п.).

Сравнение путей развития ситуативного предупреждения футбольного хулиганства с интегрированной моделью ситуативного предупреждения преступности приводит к интересным выводам при попытке объяснить большую эффективность нового ситуативного метода, повсеместно применяемого в странах Западной Европы при решении проблемы футбольного хулиганства.

По словам Р. Вортли, термин «уменьшение возможностей совершения преступлений» предполагает наличие мотивированного нарушителя или, по крайней мере, амбивалентного нарушителя, готового поддаться соблазну преступления, тогда как мотив к совершению преступления может появиться в результате воздействия определенных ситуативных факторов. Здесь идет речь о так называемых «преципитирующих» факторах („precipitators”). Вортли выделил 4 типа подобных факторов: побуждающие факторы („prompts”), давление („pressures”), разрешающие факторы („permissibility”), провокация („provocations”). Приводящаяся в статье интегрированная концепция ситуативного предупреждения преступности представляет собой объединение традиционных методов по уменьшению возможностей совершения преступлений – так называемых «жестких» мер – дополненных комплектом техник, минимизирующих прочие ситуационные факторы, предложенные Р. Вортли, т.е. так называемых «мягких» мер. Д.Корниш и Р.Кларк предложили объединить обе концепции, в результате чего возникла значительно расширенная комбинация техник по ситуативному предупреждению преступности. Авторы, описывая три идеальных типа нарушителя (заранее мотивированного к совершению преступления, амбивалентного нарушителя, т.е. такого, который может пойти на преступление в определенной ситуации, и нарушителя, который нарушает закон исключительно в результате провокации), предлагают применять «мягкие» техники ситуативного предупреждения в отношении прежде всего тех

лиц, чья «готовность» совершить преступление является в определенном смысле временной, т.е. в отношении двух последних категорий нарушителей. С другой стороны, сомнения вызывает тезис, в соответствии с которым контроль за побуждающими факторами может оказаться эффективным при применении в отношении всех типов идеального нарушителя. Новые техники ситуативного предупреждения преступности не могут, скорей всего, применяться в отношении заранее мотивированного нарушителя, который готов совершить преступление и только ждет подходящего случая. Именно с учетом этих замечаний, которые с точки зрения практики, как кажется, являются очень ценными при выборе конкретных решений, следует рассматривать интегрированную концепцию ситуативного предупреждения преступности при проведении анализа применяемых в Польше методов.

Принятие решения об организации Евро 2012 стало поворотным моментом в области контроля за футбольным хулиганством в Польше – в особенности в отношении описанной европейскими организациями II степени контроля, при которой чаще используются «мягкие» средства. Предварительным условием их внедрения, однако, является создание такой ситуации, которой будет пытаться избежать заранее мотивированный нарушитель, или при которой заранее мотивированный нарушитель будет избегать деяний, которые могут быть названы футбольным хулиганством, т.е. эффективное контролирование возможностей совершения преступлений. Тем не менее на практике при применении «жестких» мер в форме повышения риска того, что нарушитель столкнется с негативными последствиями своего поведения, необходимости применения дополнительных усилий со стороны нарушителя при нарушении закона, а также уменьшения выгоды, получаемой при нарушении закона, продолжают совершаться прежние ошибки, несмотря на введение необходимых изменений на нормативном уровне. Описываемая ранее концепция ситуативного предупреждения преступности Р.Кларка и Р.Вортли подтверждает необходимость адаптации различных техник, манипулирующих данной ситуацией, к различным типам нарушителей и представляет негативные последствия их неправильного выбора. А проблема футбольного хулиганства, в связи с постоянным уточнением этого понятия, его расширением, не ограничивается только одним видом преступности – против жизни или здоровья – или только одним типом нарушителя. Под данным термином понимается целый ряд различных нарушений закона, а нарушителями являются не только заранее мотивированные лица, не только «воспользовавшиеся случаем» или спровоцированные люди с разными мотивами, но, в различных пропорциях, все типы нарушителей сразу. Это даже отражается в принятой полицией классификации, которая делит болельщиков на три подгруппы: категория А – болельщики низкого риска, В – болельщики повышенного риска, и С – болельщики высокого риска. Контроль за факторами, порождающими нарушения закона, т.е. применение «мягких» мер, как кажется, в большей степени подходит болельщикам из

категории А и, до определенной степени, из категории В. В свою очередь, традиционные техники ситуативного предупреждения являются более эффективными при борьбе с заранее мотивированными футбольными хулиганами, т.е. теми, кто относится к категории С. То, что на многих европейских стадионах удалось справиться с проблемами, которые ими создавались, связано как раз с последовательным применением традиционных техник ситуативного предупреждения, в сочетании с наблюдением и запретом пребывания на стадионах. Только после того, как проблема хулиганов на стадионах стала менее острой, началась работа над искоренением рисков в случае остальных групп нарушителей. А в Польше, наоборот, контролирование возможностей совершения преступлений оставляет желать лучшего. Однако, независимо от этого, продолжают вводиться «мягкие» меры. Подобные хаотические действия скорее снижают качество предлагаемой защиты, а не повышают его. Прежде всего это касается большинства стадионов, на которых еще в течение долгого времени не будут проводиться дорогостоящие инфраструктурные и технические изменения.

КОНРАД БУЧКОВСКИ

Страхование мошенничества в практике правосудия (статья 298 уголовного кодекса)

Рынок страхования является той областью экономической деятельности, в которой чаще всего совершаются попытки мошенничества и вымогательства. То, что более всего затрагивает страховые фирмы – это вымогательства непричитающихся компенсаций в результате случаев, охваченных предметом страховых договоров.

Преступность в сфере страхования является социально приемлемым поведением (а значит не встречающимся с общественным порицанием) и, несмотря на значительную степень общественного вреда, в недостаточной степени искореняемым, что частично следует из поведения страховых фирм, которые заботясь о своем имидже, не склонны признаваться, что являются обманутыми.

В статье сделан подробный анализ статистических данных, касающихся преступления по ст. 298 УК, а также представлены результаты исследования предварительных расследований и дел, закончившихся судебным решением против лица, совершившего страховое мошенничество.

Анализ статистических данных показал значительное снижение (с 2007 года) количества возбужденных дел по ст. 298 УК. Причиной этого может быть квалификация части такого рода деяний по ст. 286 УК, то есть как «классического» мошенничества. Как правило, производства, возбужденные по ст. 298

УК, это очень низкий процент всех возбужденных дел в течение целой декады – они составляли 0,02%.

Целью представленных в статье криминологических исследований было показать на практике проблемы защиты страхового рынка от недобросовестного поведения застрахованных лиц и попытаться ответить на вопрос, является ли уголовно-правовое регулирование подходящим, или является ли правильной реализация производств по преступлениям по ст. 298 УК, и, наконец, какие изменения: законодательные, в сфере политики преследования и уголовной политики в этой области необходимы для эффективной защиты страхового рынка.

При исследовании материалов дел основной предпосылкой которая была, это то, что она должна включать как можно большую группу событий, имеющих характер страхового мошенничества. В первой фазе исследованием были охвачены все разбирательства за период 1995-2003 г.г., проводимые на основании ст. 4 Закона от 12.10.1994 г. «О защите экономической деятельности», а также на основании ст. 298 УК (Уголовный кодекс на дату вступления в силу 01.09.1998 г. отменил соответствующее положение вышеназванного Закона «О защите экономической деятельности»). Второй этап исследований судебных разбирательств проводился в 2008 году, через пять лет после окончания основной фазы исследования. Целью данного исследования было сравнение и наблюдение изменений в практике проведения дел о страховом мошенничестве, а также в формах его совершения.

Результаты исследования показывают, что норма статьи 298 УК не соответствует наложенным на нее надеждам, связанным с существованием в польском уголовном праве «специализированного» преступления, направленного на защиту страхового рынка. Этот проступок не стал главным инструментом в борьбе с вымогательствами в области имущественного страхования, в том числе – автострахования.

В выводах предлагается – помимо законодательных изменений – начать более широкое сотрудничество между правоохранительными органами и страховыми компаниями в целях обмена опытом и информацией по вопросам, касающимся борьбы со страховой преступностью.

ПАВЕЛ БАХМАТ

Атипичные случаи коррупции в оценках судов и прокуратуры на примере преступлений по статьям 228 и 229 уголовного кодекса

В статье представлены результаты исследований правоприменительной практики судов и прокуратуры по делам, связанным с рассмотрением атипичных

случаев коррупции. Объектом исследования стали атипичные случаи коррупции в сфере преступлений, связанных с продажностью /получением взятки/ (статья 228 Уголовного кодекса) и подкупом /дачей взятки/ (статья 229 Уголовного кодекса) лицом, выполняющим какую-либо публичную функцию. Они состояли из очень разных сценариев событий, которые, в принципе, основывались на принятии либо предоставлении материальных или личных выгод, либо обещания таковых в связи с исполнением публичной функции. Таким образом, поведение исполнителя формально подпадало под признаки преступлений, указанных в статьях 228 и 229 Уголовного кодекса. При этом, в связи с появлением определенных обстоятельств, таких как решение законодателя или устоявшаяся точка зрения науки уголовного права, деяние не должно приводить к привлечению исполнителя к уголовной ответственности.

Установлено, что при квалификации атипичного коррупционного поведения, органы правосудия старались разными способами смягчить уголовно-правовую оценку поведения исполнителя, но часто делали это недостаточно, при применении неуместных институтов уголовного права.

Среди атипичных случаев коррупции идентифицировано фактические обстоятельства, при которых врачи вводили своих пациентов в заблуждение, предлагая покупку эндопротеза высокого качества либо произведенных за рубежом лекарств, совершаемую якобы на свободном рынке, вне системы услуг, компенсируемых Национальным фондом здравоохранения и не находящуюся в содержательной связи с исполняемой врачом публичной функцией. Врач утверждал тогда, что является лишь посредником между пациентом и иностранным дистрибьютором или производителем. На практике, при операции использовал протез либо лекарство, возмещаемое Национальным фондом здравоохранения. Неосознающие этого факта пациенты действовали заблуждаясь в отношении обстоятельств, определяющих признаки преступного деяния (так называемая ошибка в факте – *error facti*). В частности, они не знали, что передаваемые ими деньги с точки зрения врача являются взяткой и даются ему в связи с исполнением публичной функции. В этой ситуации производство по уголовному делу должно быть завершено прекращением или отказом в возбуждении, основываясь на нормах статьи 17 § 1 пункт 2 Уголовно-процессуального кодекса и статьи 28 § 1 Уголовного кодекса. Однако органы прокуратуры избегали этой квалификации и предпочитали в подобных случаях использование института освобождения от уголовной ответственности информатора – взяткодателя (статья 229 § 6 Уголовного кодекса), что с правовой и формальной точки зрения не полностью давало надлежащую оценку поведению введенного в заблуждение пациента. Поражает, в частности то, что принимаемое прокуратурами решение приводило к приписыванию вины пациенту.

Было установлено, что разработанный уголовно-правовой доктриной институт обычных подарков, исключаяющий противоправность и преступность, на практике остается мертвым. Это не означает, что подобные фактические

обстоятельства не становились предметом оценки органов, осуществляющих уголовное производство. Такое происходило время от времени, и, если имело место, то практика судов и прокуратуры в данной области основывалась на квалификации поведения исполнителя как малозначительного деяния в сравнении с подкупом /дачей взятки/ (статья 229 § 2 Уголовного кодекса) или продажностью /получением взятки/ лица, исполняющего публичную функцию (статья 228 § 2 Уголовного кодекса), либо на приписывании ему незначительного общественного вреда (статья 1 § 2 Уголовного кодекса) и прекращении производства по делу по статье 17 § 1 пункт 3) Уголовно-процессуального кодекса. De lege ferenda необходимо призвать к кодификации сложившегося института обычных подарков, исключающего противоправность деяния. Отсутствие материальной-правовой основы для обозначенного института обычных подарков, зафиксированной в письменном праве, представляется главной причиной того, что при соответствующих фактических обстоятельствах органы правосудия не ссылаются на этот институт уголовного права.

В отдельной группе исследуемых случаев прекращения либо отказа в возбуждении дела в связи с незначительным общественным вредом деяния (статья 1 § 2 Уголовного кодекса) анализ производств приводит к заключению, что граница между принятием незначительного общественного вреда деяния и квалификацией поведения исполнителя как малозначительного деяния является нечеткой и, в сущности, определение места прохождения этой границы зависит от автора принятия процессуального решения. Принимая во внимание результаты параллельно проведенного исследования мелких случаев чиновничьей коррупции можно утверждать, что при очень похожих фактических обстоятельствах поведения исполнителей подкупа и продажности они были квалифицированы один раз – как малозначительные деяния, другой раз – как деяния незначительного общественного вреда. На практике это означает, что при подобных фактических обстоятельствах в одном случае поведение исполнителя составляет преступление, а в другом – нет.

МОНИКА КОТОВСКА

Характеристика члена организованной преступной группы с перспективы гуманистической криминологии

Главным тезисом гуманистической криминологии является утверждение, что преступное поведение человека всегда составляет результат его суверенного решения, несмотря на то, что как каждое иное поведение человека – оно подвергается разнородным влияниям. Ключевой проблемой здесь есть криминогенез, понимающийся как процесс индивидуальный, конечным огнивом

которого является совершение преступления – либо, в случае несовершеннолетнего – наказуемого деяния. Таким образом, криминогенез относится к разносторонним и чаще всего сложносоставным явлениям, которые происходят в психике человека. Центральное место среди них занимает волевой процесс, обуславливающий решение о нарушении правовых норм.

В гуманистической криминологии эмпирические исследования направлены не только на диагноз объективных условий преступности, то также на анализ поведения конкретной человеческой единицы, с ее индивидуальной спецификой и миром переживаний, соответствующими психологическими компонентами и их центральным элементом, которым является акт воли.

Предмет настоящей работы – это преступная биография лица, осужденного за участие в организованной преступной группе вооруженного характера, а также проба интерпретации этой биографии с перспективы гуманистической криминологии, продвигаемой Л. Тышкевичем.

В исследовании применялся биографический метод и использовано изучение случая конкретного преступника. Жизненная судьба и деятельность в группе исследуемого описаны при помощи интервью. Достоверность полученных от него информации проверена доказательственным материалом, содержащимся в пенитенциарных актах осужденного. Исследования проводились в тюрьме, на территории которой осужденный отбывает пожизненное заключение. Подробные результаты исследований содержатся в статье.

АГНЕСКА МАРТЫНОВИЧ

Warehouses for the Deportable – Foreign National Prisoners in the UK

Каждый год в уголовно-исполнительных учреждениях на территории Соединенного Королевства пребывает около 10 000 человек, не имеющих британского гражданства. В самой Англии и Уэльсе они составляют 13% тюремной популяции, что на 5% больше, чем 20 лет назад. Данная группа объединяет всех лиц, не владеющих британским паспортом, что в результате приводит к тому, что эта популяция необычайно разнородна и по национальному признаку и в связи с правовым статусом.

В апреле 2006 года британская пресса представила данные о том, что в 1999-2006 годах более 1000 иностранцев было выпущено из уголовно-исполнительных учреждений без рассмотрения их дел с точки зрения депортации после исполнения наказания. В итоге этой ситуации, которую пресса и политическая оппозиция назвали «скандалом», и которая привела к подаче в отставку бывшего Министра внутренних дел, правительство и британский парламент ввели ряд новых правовых и практических решений, ставящих целью

«рационализацию» системы депортации. Тем самым, пенитенциарная политика в отношении иностранцев сосредоточилась практически полностью на подготовке их к высылке, часто независимо от их правового статуса либо индивидуальной ситуации, придавая значительно меньше внимания отношению к ним во время отбывания наказания в виде лишения свободы.

В 2007 году, законом о границах Соединенного Королевства (UK Borders Act 2007), была введена так называемая автоматическая депортация лиц, осужденных как минимум к 12 месяцам лишения свободы за тяжкие преступления, по отбытию ими наказания. В Англии, Уэльсе и Шотландии ввели новые программы, дающие возможность быстрой высылки иностранцев также *во время* отбывания наказания – так называемая «Система быстрой высылки» (Early Removal Scheme) и «Система поддерживаемой высылки» (Facilitated Removal Scheme). В 2009 году также была формализована специальная система уголовно-исполнительных учреждений, целью которой было группирование иностранцев в нескольких предназначенных для этого тюрьмах, с улучшенным доступом к иммиграционным службам и связанным с этим планируемым увеличением «эффективности» решений о депортации.

Незадолго до «депортационного скандала», Тюремный инспектор в Англии и Уэльсе (HM Inspector of Prisons for England and Wales) опубликовала свой первый доклад, посвященный ситуации иностранцев в местных тюремных учреждениях. Этот доклад обратил внимание на систематическое пренебрежение как вопросами обращения с заключенными, так и вопросами поддержки, предлагаемой уголовно-исполнительными учреждениями этой группе заключенных. Заключенные указывали на отсутствие контакта со своими семьями, языковые и культурные барьеры, отсутствие возможности использования различных форм помощи, предоставляемых лицам, лишенным свободы, отсутствие понимания их правового положения и статуса и постоянный страх депортации. С другой стороны, сотрудники тюремной службы указывали на отсутствие поддержки от центральных властей и на отсутствие подготовки персонала для ежедневной работы с многонациональной популяцией лиц, лишенных свободы.

Хотя ситуация иностранцев в уголовно-исполнительных учреждениях в Соединенном Королевстве была трудной и ранее, изменения, введенные после 2006 года, спровоцировали череду дальнейших негативных последствий для этой группы. Несмотря на прошедшее время и несмотря на многократные рекомендации Тюремного инспектора, Тюремная служба в Англии и Уэльсе до сих пор не согласовала стандартов, касающихся обращения с иностранцами во время исполнения наказания в виде лишения свободы. Мало что известно о ситуации в Шотландии, а имеющиеся там отчеты не содержат никакого упоминания о опыте этой группы заключенных. Хотя инспекции в Северной Ирландии описали небольшое улучшение в последние несколько лет, иностранцы, пребывающие в уголовно-исполнительных учреждениях на этой территории, по-

стоянно указывают, в частности, на трудности в контактах с семьями, неопределенность относительно своего будущего после отбытия наказания, а также трудности в пользовании помощью, предлагаемой пенитенциарными учреждениями и организациями вне тюрем.

Можно аргументировать, что в настоящий момент способ обращения с заключенными, не имеющими британского гражданства, является продолжением более широкой политики криминализации иностранцев в Великобритании, часто объясняемой необходимостью защиты национальной идентичности. Актуально то, что пенитенциарная политика все ближе связывается с иммиграционной политикой, направленной на создание препятствий в доступе иностранцев в британское общество. На территории уголовно-исполнительных учреждений это выражается хотя бы в применении в отношении осужденных иностранцев дополнительных процедур, таких как сбор отпечатков пальцев, фотографирование иммиграционными службами и постоянное пребывание этих же служб в избранных тюрьмах. Такие практики стигматизируют осужденных в связи с их национальностью, создавая «подкатегории» заключенных, расовая или национальная идентичность которых становится поводом дискриминации со стороны тюремного персонала либо иных заключенных. Трудности, связанные с языковым барьером, ограниченный доступ до органов, проводящих мониторинг, отсутствие доступа или трудности в доступе к процедурам подачи жалоб – все это приводит к тому, что правовая защита иностранцев значительно ограничивается. В этом смысле их фактическое изгнание из общества начинается задолго до того, как будет выдан ордер на депортацию.

ПЕТР СТЭПНЯК

Ситуация в области здоровья и здравоохранение заключенных в тюремных учреждениях

В статье рассматриваются избранные проблемы здравоохранения в учреждениях исполнения наказаний и их соотношение с ситуацией со здоровьем лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Представляются результаты проведенных эмпирических исследований, в которых принято, что индикаторами ситуации со здоровьем лиц, лишенных свободы, являются их, различающиеся в зависимости от возраста, болезни и недомогания, фактические потребности в области защиты здоровья, а также потребности и ожидания в отношении здоровья, декларируемые осужденными. Теоретическую основу исследований составляла концепция социального обслуживания заключенных пенитенциарной администрацией, без нажима на коррекционное воздействие,

сформулированное Хенриком Махелом (Henryk Machel). Исследования должны были ответить на вопрос: какой является ситуация со здоровьем лиц, лишенных свободы, охваченных исследованием, обозначенная через их общее состояние здоровья, потребности и ожидания в этой сфере, а также на сколько адекватным является способ защиты здоровья в пенитенциарном учреждении по отношению к ней.

Территория исследований охватывала учреждения исполнения наказаний, подведомственные Окружному Инспекторату Тюремной Службы в Познани, то есть Следственный Изолятор в Познани, а также исправительные учреждения в Равичу и во Вронках. Все эти три учреждения являются учреждениями закрытого типа.

Исследования проводились в период с января 2011 г. по ноябрь 2012 г. Охватывали анализ и толкование правовых актов, касающихся здравоохранения заключенных, а также анкетные исследования и интервью среди осужденных и тюремного персонала. В целом, возвращено 279 подходящих для обработки. Структурированные интервью охватили 30 врачей и 30 воспитателей. Полученные результаты были статистически обработаны. Они показывают мнения исследуемых на проблему защиты здоровья в учреждениях исполнения наказания.

В исследуемой группе преобладали лица, находящиеся в периоде ранней и средней взрослости (в целом 67,03%). Установлена статистическая зависимость между возрастом осужденных и декларируемым ими состоянием здоровья. Чем осужденный моложе, тем его оценка лучше и наоборот ($p > 0,001$, $\chi^2 = 23, 245$).

Из полученных данных следует, что каждый второй осужденный оценил, что заключение в тюрьму повлияло на ухудшение его состояния здоровья. Это контрастирует с относительно низким показателем болезней, найденных врачами после заключения.

Среди разных недугов и болезней, называемых заключенными, преобладают экзема и отсутствие сна. Показателем, решительно наиболее плохо влияющим на состояние здоровья заключенных, был тюремный стресс. На его негативную роль указывало аж 17 врачей (то есть 62,97% всей группы тюремных врачей, охваченных исследованием). Каждый четвертый врач указывал на плохие бытовые и санитарные условия в учреждениях исполнения наказания. Такой же результат получен для иного показателя, никотинизма среди осужденных. Это свидетельствует о том, что большая часть из них, в условиях учреждения наказания, принимает антиздоровое поведение.

Как следует из исследований, на практике, в ответ на потребность охраны здоровья в пенитенциарных учреждениях, предпринимались очень разнообразные действия. Защита здоровья была на втором плане. Вписывалась в разные модули обращения с осужденными. Они учитывают разное ее усиление. Установлено, что это следующие модули:

1. обеспечивающе-контрольный (в целом 63,36% упоминаний). На практике, в пенитенциарных учреждениях, охваченных исследованием, он имел 2 формы:
 - а. социально-укрепляющий здоровье (обеспечение безопасности и порядка, контроль осужденных на основе правил, социальное обслуживание и опека над здоровьем, выходящая за стандарт).
 - б. социальный (обеспечение безопасности и порядка, контроль осужденных на основе правил, социальное обслуживание и базовая опека над здоровьем),
2. обеспечивающе-ресоциализационный (66,67% упоминаний; обеспечение безопасности и порядка, обеспечение минимального социального обслуживания, экстренная, базовая опека над здоровьем, ресоциализация).

Только первая из этих форм дает полные возможности учитывать в пенитенциарных воздействиях проблемы охраны здоровья.

Проведенные исследования приводят к выводу, что в ситуации кризиса пенитенциарной ресоциализации будет увеличиваться значение защиты здоровья осужденных. Это связывается с распространением на практике «нересоциализационных» модулей обращения с осужденными. Здравоохранение, вместе с обеспечением надлежащих бытовых условий и социального обслуживания, может стать частью хорошей пенитенциарной практики. Защита здоровья, а конкретнее, медицинская опека и услуги здравоохранения для осужденных должны соответствовать реальным потребностям заключенных в этой области.

В целом, исследования показали, что объективное состояние здоровья обследуемых заключенных было лучше, чем то, о котором они заявляли. Однако их ситуация со здоровьем варьировалась, и прежде всего, в зависимости от возраста. Наибольшие потребности, связанные со здоровьем, декларировали пожилые люди, их ожидания в плане здоровья и медицинской помощи со стороны тюрьмы были также самыми высокими. Поэтому практический модуль обращения с заключенными в области охраны их здоровья должен это учитывать.

Было установлено, что в пенитенциарной практике преобладают модули обращения с заключенными с защитой здоровья на базовом уровне. Влияние на такое положение дел имеет не только относительно скромная тюремная база, но и ограниченные бюджетные средства. Хорошей пенитенциарной практикой в этой ситуации является модуль обращения обеспечивающе-контрольно-укрепляющий здоровье. Он включает обеспечение безопасности уголовно-исполнительному учреждению и заключенным, поддержание порядка и, кроме того, выше стандартной медицинскую опеку и социальное обслуживание в соответствии с рекомендациями ВПВ.

Хорошая практика должна иметь эклектичный характер. Важное место в ней составляет охрана здоровья и медицинская опека над осужденными.

С такой точки зрения, проведенные исследования дают разнообразный образ пенитенциарной реальности. Однако в целом он является относительно позитивным.

ПАУЛИНА ВИКТОРСКА

Пенитенциарное право на фоне других отраслей права и избранных вопросов из области уголовной и пенитенциарной политики

Статья состоит из двух частей. В первой части систематизируется определение пенитенциарного права и показывается взаимосвязь между пенитенциарным правом и другими отраслями права и областями науки. Мнения в дискуссии о пенитенциарном праве часто отличаются друг от друга, даже в отношении того, что входит в объем этого понятия. Временами это создает сложности при попытке соотнести определенные постановления с конкретной отраслью права и вызывает сомнения, какие принципы применять в отношении определенных институтов. Описывается взаимосвязь между пенитенциарным правом и уголовно-исполнительным материальным и процессуальным правом, уголовным правом, пенитенциарной наукой, а также уголовной и пенитенциарной политикой.

Во второй части описываются избранные проблемы современной уголовной политики, касающиеся, прежде всего, применения наказания в виде лишения свободы. Между пенитенциарным правом и пенитенциарной политикой, или – при ее более широком понимании – уголовной политикой, существует явная взаимосвязь. С одной стороны, данная политика формируется на основании буквы закона, с другой стороны – на основании огромного собранного опыта – заставляет изменять право, когда оно не в состоянии справиться с вызовами реальной жизни. Нередко политика, а иногда только пенитенциарная практика, непосредственно влияет на положения уголовного права, в том числе и пенитенциарного. Тем не менее, бывает и так, что цели и принципы права и пенитенциарной политики (в более широком понимании – уголовной политики), отличаются друг от друга. Как кажется, подобное происходит в случае наказания в виде лишения свободы, которое часто представлено в положениях пенитенциарного права иначе, чем в статистических данных, отражающих применение уголовной и пенитенциарной политики на практике. Основной парадокс, однако, в том, что, несмотря на отмечаемое снижение преступности⁵,

⁵ http://statystyka.policja.pl/portal/st/842/47682/Postepowania_wszczete_przestepstwa_stwierdzone_i_wykrywalnosc_w_latach_1999__201.html [вход: 12.07.2013]

пенитенциарная система становится все менее и менее эффективной. В Польше самый большой показатель призонизации⁶ и, при этом, постоянно увеличивается число осужденных, ожидающих распределения для отбывания наказания в виде лишения свободы⁷, постепенно по численности приближаясь к числу осужденных, отбывающих наказание в тюрьмах. Данная ситуация может быть вызвана несколькими причинами. Во-первых, с начала 90-х годов постоянно увеличивается число приговоров к лишению свободы на краткие сроки (до 6 месяцев)⁸, которые часто выносились в отношении виновных в вождении механического транспортного средства в нетрезвом виде. Во-вторых, в польских тюрьмах отбывается целый ряд наказаний альтернативных лишению свободы, что свидетельствует о слабости системы отбывания наказаний в виде ограничения свободы. Очередная проблема – это отмена условного осуждения. Уголовный кодекс предвидел два вида отмены освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы – факультативный и обязательный. Последний, однако, вызывал серьезные сомнения и был оспорен Конституционным судом, который вынес соответствующее решение 17.07.2013 г., номер дела SK 9/10 (Вестник законов, поз. 905). Конституционный суд заявил, что «ст. 75 § 1 закона от 6 июня 1997 г. об Уголовном кодексе (Вестник законов № 88, поз. 553, с изменениями) в части, в которой не предвидится возможность отмены судом отбывания наказания в ситуации, когда в отношении виновного повторно выносится приговор к лишению свободы условно, при совокупности смягчающих обстоятельств, не соответствует ст. 45 п.1 Конституции Республики Польша». Данное постановление приводило к ситуации, когда судья практически автоматически должен был отменять условное наказание, если осужденный в течение испытательного срока совершал деяние, аналогичное тому, за которое был приговорен к лишению свободы условно. При этом отсутствовала возможность оценить целесообразность применения данной санкции в отношении конкрет-

⁶ Por. M. Melezini, *Репрессивность уголовной политики в период действия новой уголовной кодификации (Represyjność polityki karnej w okresie obowiązywania nowej kodyfikacji karnej)*, в: К. Краjewski (ред.), *Пенальные науки и проблемы современной преступности. Юбилейный сборник, выпущенный к годовщине со дня рождения профессора Анджея Габерле (Nauki penalne wobec problemów współczesnej przestępczości. Księga Jubileuszowa z okazji rocznicy urodzin profesora Andrzeja Gaberle, Wolters Kluwer, Варшава 2007, с. 491.*

⁷ S. Lelental, *Фактические и потенциальные размеры переполненности тюремных учреждений. (Faktyczne i potencjalne rozmiary przeludnienia jednostek penitencjarnych)*, в: *Актуальные проблемы уголовного права. Памятная книга в связи с 70-ой годовщиной со дня рождения профессора Анджея Й. Шварца (Aktualne problemy prawa karnego. Księga pamiątkowa z okazji Jubileuszu 70 Urodzin Profesora Andrzeja J. Szwarca)*, Познань 2009, с. 339-350.

⁸ Por. J. Skupiński, *Наказание безусловного лишения свободы и тюремная популяция в Польше. Показатели призонизации в Польше и Европе. (Kara bezwzględnej pozbawienia wolności i populacja więzienna w Polsce. Współczynniki przizonizacji w Polsce i w Europie)*, в: J. Jakubowska-Nara, J. Skupiński (ред.), *Альтернативы лишению свободы в польской уголовной политике. (Alternatywy pozbawienia wolności w polskiej polityce karnej)*, Scholar, Варшава 2009, с. 15.

ного осужденного. Много подобных случаев касалось как раз пьяных водителей⁹, которые были задержаны в течение испытательного срока за вождение в нетрезвом виде. Приведем пример: в 2007 г. в отношении 3 104 пьяных водителей был вынесен приговор к наказанию в виде абсолютного лишения свободы, а в отношении 65 858 – в виде условного лишения свободы. Таким образом, с одной стороны, наблюдалось увеличение числа заключенных за счет тех, кого совсем не обязательно было изолировать, с другой стороны, – определенное ограничение, даже лишение судей независимости при вынесении решений. Как кажется, это является хорошим примером того, как уголовная политика – а, точнее, ее эффекты – приводит к изменению права. Оспоренное Конституционным судом постановление потеряет свою силу 9.02.2015 года. Очередная проблема, анализируемая в статье, касается применения условно-досрочного освобождения. Сфера его применения определяется соответствующими правовыми нормами, практикой пенитенциарных судов и тем, насколько активно тюремная администрация обращается с подобными ходатайствами¹⁰. Многие исследования подтверждают, что в последние годы изменилось соотношение между отклоненными и удовлетворенными ходатайствами об условно-досрочном освобождении, к сожалению, явно не в пользу последних¹¹. Естественно, это приводит к тому, что меньше людей выходит из тюремных учреждений, в результате чего, несмотря на снижение преступности, показатель призонизации остается высоким, а «очередь» ожидающих распределения для отбывания наказания в виде лишения свободы растет. Кроме того, если мы примем во внимание то, что пенитенциарные судьи достаточно инертно выносят решения о применении УДО, практически полностью полагаясь на тюремную администрацию и представленные ею обоснования вносимых ходатайств, а процент инстанционного контроля над решениями об УДО является незначительным, то окажется, что решение о выходе осужденного из тюремного учреждения иногда может быть принято под влиянием случайной политической-мотивиро-

⁹ По судебным статистическим данным эти осужденные составляют около 30% всех осужденных, T. Szymanowski, *Уголовная политика и уровень преступности (Polityka karna i stan przestępczości)*, в: А. Marek (ред.), *Система уголовного права (System prawa karnego)*, том I: *Общие вопросы*, Варшава 2010, с. 241.

¹⁰ T. Szymanowski, *Уголовная политика и уровень преступности (Polityka karna i stan przestępczości)*, в: А. Marek (ред.), *Система уголовного права (System prawa karnego)*, том I: *Общие вопросы*, Варшава 2010, с. 289.

¹¹ T. Szymanowski, *Уголовная политика и уровень преступности (Polityka karna i stan przestępczości)*, в: А. Marek (ред.), *Система уголовного права (System prawa karnego)*, том I, *Общие вопросы*, Варшава 2010, с. 289. P. Wiktorska, *Условно-досрочное освобождение от отбывания оставшейся части наказания в виде лишения свободы в случае осужденных в возрасте до 24 лет на материале практики уголовного суда в г. Влоцлавек (Warunkowe przedterminowe zwolnienie z odbycia reszty kary pozbawienia wolności skazanych młodocianych w orzecznictwie sądu penitencjarnego właściwego dla zakładu karnego we Włocławku)*, «Архив криминологии» („Archiwum Kryminologii”) 2007-2008, том XXIX-XXX, с. 763.

ванной тенденции. Следует, однако, подчеркнуть, что изменение политики в отношении предоставления условного освобождения не было связано ни с какими существенными изменениями законодательства в этой области. На основании самых свежих статистических данных можно прогнозировать, что подобная тенденция в политике вынесения решений об УДО в ближайшее время, скорее всего, сохранится. В качестве последнего обсуждался вопрос карательного популизма, проявляющегося в пенитенциарной политике, или, при более широком понимании, в уголовной политике. В Польше это прослеживается уже несколько лет. Медийный облик преступности радикальным образом отличается от реальных статистических данных, впрочем, как и карательная политика от научных выводов. Карательный популизм – «это нечто большее, чем здравое описание действий политиков, разрабатывающих стратегию последовательного и сурового наказания, которая бы соответствовала ожиданиям или интуитивному пониманию консервативно мыслящих реальных или потенциальных избирателей партии, находящихся, как правило, с правой стороны политической сцены. С макрообщественной точки зрения, популизм, нередко называемый правым реализмом, – это прежде всего социотехнический, чисто инструментальный способ использования права в целях приобретения или сохранения власти. При таком понимании он считается инструментом реализации политических интересов и доктрин»¹². Отсюда и очень простой механизм «пугания» преступностью. Действия на основании принципа «чем проще диагноз, тем проще лечение» склоняют людей к тому, чтобы руководствоваться наиболее простыми причинными связями¹³. В заключение рассматривается закон об обращении с лицами, страдающими психическими нарушениями, создающими угрозу для жизни, здоровья или сексуальной свободы других лиц. Несмотря на различные мнения по этому вопросу, 23 октября 2013 г. Сейм принял правительственный проект закона, «хотя из пяти экспертных оценок, проведенных по заказу Аналитического Бюро Сейма юристами и психиатрами, четыре имели дисквалифицирующий, а одна – критический характер. Юристы подчеркивали, что закон нарушает, на ряду с другими, конституционный запрет повторного наказания за одно и то же преступление и отсутствия обратной силы у уголовного права. Психиатры – то, что предпринимается попытка выдать наказание за лечение. И также то, что ни личностные расстройства, ни умственная отсталость не поддаются лечению. А психотерапия под принуждением не имеет смысла. Депутаты, однако, эти моменты проблемными не посчитали»¹⁴. В выводах подчеркивается, что описанные в статье избранные вопросы

¹² Т. Kaczmarek, <http://www.racjonalista.pl/kk.php/s,6283> [вход: 16.07.2013].

¹³ М. Filar, *Роль средств массовой информации в создании угроз и пропагандировании популизма. (Rola mediów w kreowaniu zagrożeń i sprzyjaniu populizmowi)*, «Архив криминологии» („Archiwum Kryminologii”) 2007-2008, том XXIX-XXX, с. 490.

¹⁴ http://wyborcza.pl/1,75478,14830725,Sejm_przyjal_kontrowersyjna_ustawe_o_izolacji_niebezpiecznych.html#ixzz2pEUaPbVE [вход: 31.12.2013].

пенитенциарной и уголовной политики, связанные с применением наказания в виде лишения свободы, подтверждают, что пенитенциарное право действительно является – и должно быть – динамичным и новаторским. Оно должно реагировать на недостатки, которые проявляются при реализации на практике уголовной и пенитенциарной политики. И при этом должно быть настолько гибким, чтобы у политики имелась свобода действий, однако без возможности доминирования.